

Андрей В. Болотов

Князь

Летопись Мидгарда

Андрей В. Болотов

Князь. Летопись Мидгарда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12055437

ISBN 9785447427610

Аннотация

На Мидгард возвращается княжич Сильвестр Таларский – наследник влиятельного княжества – однако, из-за возложенного на него смертью отца долга крови, не может взойти на трон. Он вынужден отправиться в путешествие по семи королевствам материка, дабы призвать на совет их правителей, но, сам того не зная, действует на руку заговорщикам. Средневековый антураж, интриги, предательства, войны, помещенные в богатый фэнтезийный мир, полный магии и удивительных существ, явит Вам Летопись Мидгарда.

Содержание

Часть I	6
Глава I	6
Глава II	15
Глава III	24
Глава IV	37
Глава V	44
Глава VI	60
Глава VII	67
Глава VIII	76
Глава IX	85
Конец ознакомительного фрагмента.	97

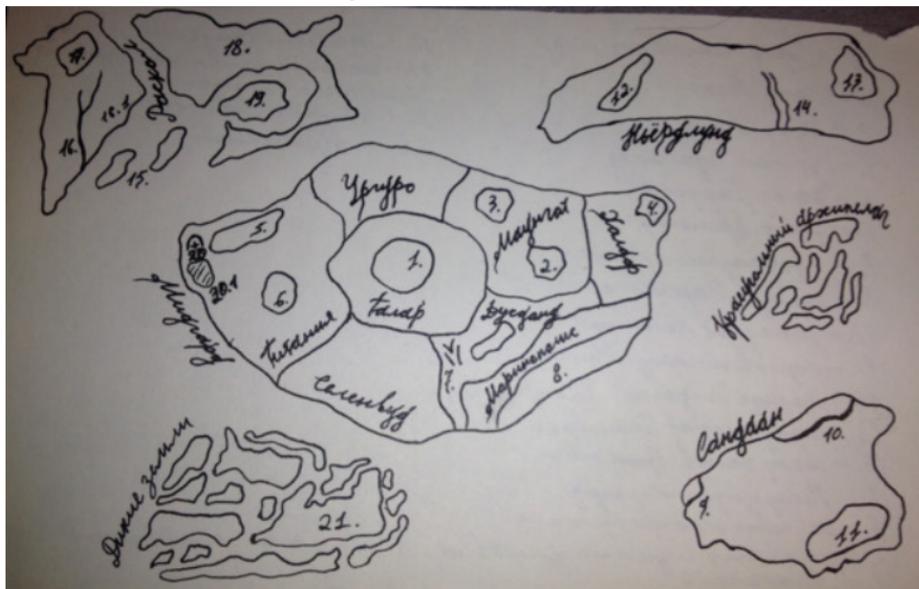
Князь Летопись Мидгарда

Андрей В. Болотов

© Андрей В. Болотов, 2022

ISBN 978-5-4474-2761-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. - Горад-мыводоры Татар
2. - горад Воат
3. - горад Эльмур
4. - замек Эджехалд
5. - горад Тирусбург
6. - горад Кроносбург
7. - дусданзский первал
8. - горад Маринопамс
9. - западниа послишиа
10. - портовниа горад Мишаб
11. - столица Гангаана - Хашр-ар-Сад
12. - горад Шапов Трансйран
13. - горад Ганов Трансйран
14. - Нйрдундский фторд
15. - остров-оскаки Баскага
16. - риа Синас и дашиа умрвниа
17. - Некронат
18. - Тисдн и акадими маров
19. - Башни знашиа на острови Эа
20. - ^{Тикурган} Тисурса
- 20.1 - ^{Тикурган} Титанов
21. - Вркисбан
- 16.1 - Гани перввеш

Часть I

Падение города-миротворца

Глава I

Молодой человек, наслаждаясь веявшим с моря легким бризом, поднимался по проторенной им самим кривой и узкой тропе на вершину высокого утеса. Оттуда он, едва ли не каждый день, острым и немного сумрачным взором озира- рал открывавшиеся с высоты горизонты. Казалось, будто лишь бескрайние морские дали с одной стороны и бесконеч- ные пески пустыни – с другой, окружали этот утес и, при- уютившееся недалеко у его подножья, поселение, но молодой человек, глядя на синие и белые глади вод и песка, видел гораздо больше. Он знал, что далеко на севере, над некогда прекрасными островами Краеугольного архипелага, бушует, непрекращающаяся годами, яростная гроза; на юго-востоке, за редкими оазисами, вокруг которых теснятся мелкие посе- ления, притаился богатейший и великолепнейший город Ха- лиф-ар-Сад – легендарная столица страны песков Сандаана; далеко-далеко на северо-западе, за морем и таинственным зеленоватым туманом располагается огромный, полный за- гадок и интриг, материк Мидгард; а мир в целом, несмотря

на кажущееся спокойствие, стоит на грани великих потрясений.

Теплые, ласкающие солнечные лучи и шум прибоя, разбивающего слабые волны о подножие утеса, действовали умиротворяюще, однако молодой человек выглядел весьма напряженным. Он приходил сюда отнюдь не в поисках успокоения, а лишь для того, чтобы подумать над чем-то очень его заботившим. Впрочем, сегодня его размышления были прерваны, раздавшимся ниже по тропе шорохом. Это зашелетели, под руками кого-то раздвигавшего их, листья густого кустарника.

Молодой человек обернулся и увидел, как к нему приближается мальчик с необычного цвета, почти зеленой с синеватыми оттенками, кожей и желтыми с вертикальными зрачками глазами. Этот, отдаленно напоминавший огромную змею, мальчик появился в поселении недавно, приплыв с беженцами с одного из островов Краеугольного архипелага, и за то недолгое время, что он провел здесь, успел обзавестись недоброй славой. Подробностей молодой человек, сам мало общавшийся с поселенцами в силу почти безвылазной работы в лаборатории, не знал, но и заговорить с ним не торопился. Какое-то время он просто наблюдал за мальчиком, а тот, в свою очередь не испытывая тяги к общению, молча, вглядывался в горизонт в северном направлении.

– Скучаешь по дому? – скорее заключил, чем спросил, молодой человек, понимая, что мальчик смотрит в сторону ар-

хипелага.

– Нет, – отозвался тот. – Скучаю по тому, каким дом был раньше.

– Понимаю, – проговорил молодой человек.

И перед мысленным взором его предстали образы того, что теперь представляли из себя некогда райские острова Краеугольного архипелага: непрекращающийся ни на минуту холодный дождь, превративший все в грязь и лужи; яростные порывы ветра, за годы рассыпавшие, до этого стоявшие веками, строения; круглосуточная непроглядная тьма, озаряемая лишь частыми вспышками молний, сжигающих даже насквозь вымокшие деревья, и страшный, пронизывающий до костей холод.

Эти картины представлялись настолько живо, что казалось, будто на несколько мгновений заменили собою реальность, и молодой человек словно ощутил на себе тяжелые дождевые капли и, заставлявший содрогаться от леденящего озноба, ветер. Он был на одном из этих островов, когда кризис Краеугольного архипелага еще только начинался, он видел как яркий тропический остров превращается в массив холодных серых тонов, и не понаслышке знал, о чем сожалеет его маленький собеседник.

– А где ваш дом? – в свою очередь поинтересовался мальчик. – Вы не похожи на коренных Сандаанцев.

И мрачные картины островов сменились в воспоминаниях молодого человека на образы цветущих долин, густых

лесов, прохладных рек и высоких гор далекого Мидгарда. Впрочем, ненадолго.

– У меня больше нет дома, – ответил он, почему-то отгоняя столь приятные образы.

– Как это? – не понял мальчик.

Молодой человек еще раз взглянул на него. Длинные и жесткие русые волосы, зеленая с синевой кожа, вытянутое, почти змеиное, лицо и вертикальные зрачки отдающих зеленью желтых глаз, в купе с замеченным при разговоре чуть раздвоенным языком, делали мальчика очень похожим на змею или ящерицу. Он был изгоем здесь, как молодой человек в родном Мидгарде, и именно он задавал молодому человеку вопрос, над которым, отчасти, тот и сам, едва ли не каждый день, размышлял на этом утесе.

– В этом мире слишком много тайн, – наконец, вздохнув, ответил он. – И, кажется, от одной из них пострадали мы оба.

Мальчик удивился еще больше.

– Вам что-то известно о кризисе Краеугольного архипелага?

И вновь на молодого человека накатили образы воспоминаний. Он видел перед собой огромный круглый зал главного храма архипелага, в котором боги трех пантеонов устроили свои конклав; видел в высшей степени благородного лорда, закутанного в черный плащ с вышитым на нем гербом Талара – уравновешенными весами в виде буквы «Т»; видел, как тот уверенным шагом выходит в центр залы и, распахив-

вая плащ, преклоняет пред богами колена, а затем... буквально, сгорает в ярчайшем белом зареве; видел его прах посреди залы и видел его, нетронутый даже яростью богов, меч.

Да, молодому человеку было многое известно, но говорить об этом он не хотел. Тем более кстати оказался новый шум на тропе. Это поднималась на утес девушка: смуглая, с яркими рыжими волосами, в которых порой словно вспыхивали языки алого пламени, и синими глазами, будто излучавшими мягкое голубое свечение. То была Адалинда – одна из служительниц Исиды в местном храме.

– Радж! – воскликнула она, оказавшись на вершине и бросившись к мальчику. – Я же говорила не уходить далеко от храма. Ты здесь не в безопасности.

И только убедившись в том, что мальчик в порядке, девушка обратила внимание на стоявшего чуть поодаль молодого человека.

– Господин Сильвестр, и вы здесь! Какая удача! – обрадовалась она.

– Я вам нужен, сестра? – удивился молодой человек. Обычно люди из храма обращались прямо к его наставнику.

– Да. Дело в том, что в храме закончились кое-какие лекарства, а мастер Зир не может их приготовить... из-за него, – девушка кивнула на мальчика. – Забавная ситуация, вообще-то, но ваш мастер так не считает. Поэтому я и искала вас, господин Сильвестр. Не могли бы вы приготовить для нас лекарства?

– Конечно, сестра Адалинда! Как пожелаете, – согласился молодой человек, впрочем, не вполне понимая, почему его мастер отказался от работы. – Я скоро спущусь.

– Благодарю вас, – улыбнулась девушка и взяла Раджа за руку. – А вот с желаниями, – она снова кивнула на мальчика, – при нем стоит быть осторожнее.

И вновь Сильвестр не понял, что имела в виду Адалинда, а она с Раджем уже двинулась вниз по тропе. Через несколько шагов мальчик на мгновение обернулся и наивно спросил у оставшегося позади молодого человека:

– Вы ведь раскроете эту тайну, правда? Тайну, жертвой которой стали острова Краеугольного архипелага?

Сильвестр в последний раз взглянул на открывающиеся с высоты утеса горизонты и, поворачиваясь, дабы последовать за Адалиндой и Раджем, тихо произнес:

– Я продал бы душу за то, чтобы познать тайны этого мира.

И стоило ему это сказать, как глаза Раджа полыхнули мистическим зеленым огнем.

Фауст проснулся. Какое-то время он продолжал неподвижно лежать в своей постели боясь упустить из памяти и толику столь яркого и отчетливого сновидения, но, наконец, поднялся и с неизменной для себя тщательностью, стараясь не упустить ни малейшей детали, записал свой сон

в толстую тетрадь, всегда лежавшую на его прикроватной тумбе. Конечно, он не смог воспроизвести всех имен и названий, но образы и чувства были еще свежи в памяти молодого ученого, как и последняя фраза. «Я продал бы душу за то, чтобы познать тайны этого мира», – записал Фауст в своем дневнике сновидений, и добавил собственный комментарий: «не знаю моя ли это была мысль, подсознанием помещенная в сон, или того человека, которого я в этом сне видел, но одно я знаю точно – я всецело разделяю это желание».

В продолжение всего дня Фауст мысленно возвращался к своему сновидению, и оно придавало ему сил и уверенности, ведь сегодня для Фауста был очень важный день – сегодня, молодой ученый, со студенчества изучавший сновидения, годами анализирующий свои сны и сны родных, друзей, добровольцев, мог, наконец, получить признание и финансирование своих исследований от Академического совета. К этому дню он готовился очень давно, в свой доклад и презентацию в Академии Фауст вложил всю свою страсть ученого, изложил в нем все свои весьма остроумные и интересные исследования, поделился довольно смелыми ожиданиями, но... наткнулся на холодную и суровую реальность.

– Бесперспективны!?! Бесперспективны, говорите вы? – возмущался он только-что вынесенному его исследованиям вердикту Академического совета. – Но ведь едва ли не все науки обязаны снам. Месроп Маштоц создал армянский алфавит по подсказке ангела во сне; открытия математика Сри-

нива са Рамануджане принадлежат индуистской богине, писавшей уравнения в его снах; Фредерик Бакинг во сне открыл инсулин; Фридрих Кекуле увидел во сне молекулу бензола, а периодическая таблица Менделеева, как и история ее открытия, известна всему миру. И вы говорите бесперспективны? Простите, если утомил вас перечислением всех этих удивительных случаев, но я хотел лишь подчеркнуть, что сновидения внесли свой вклад в науку и могут сделать это вновь. А значит, у моих исследований есть перспективы! И не малые.

Но горячности и смелым амбициям молодого Фауста противостояла спокойная и рассудительная серьезность членов Академического совета.

– Тем не менее (и ты сам это заметил), – начал один из них в ответ на тираду Фауста, – все перечисленные люди были учеными, и все они были одержимы проблемой каждый в своей области, одержимы настолько, что, в конце-концов, находили ее решение. Да, во сне. Но никто из них не изучал собственно сновидений, потому, что человек одержимый сновидениями найдет во сне, – он пожал плечами, – лишь сновидения. Прости Фауст, но я вынужден повторить: твои исследования бесперспективны.

Фауст покинул Академию оглушенный, словно ему отвесили тяжелую оплеуху. Он шел по влажным после дождя улицам серого города, ни на что и ни на кого вокруг не обращая внимания. Он был подавлен и не заметил даже как но-

ги сами привели его к медицинскому институту, где он преподавал, работал и в одном из помещений которого, арендованном им специально для этих целей, проводил свои исследования сновидений. Теперь все это было ему уже не нужно: годы исследований ушли впустую, надежды обратились в прах, а планов на будущее не было. Абсолютно потерянным бродил ученый по своему кабинету с невидящим взором и отсутствующими мыслями, как вдруг, голову его посетило страшное в своей решительности намерение: «Мир сновидений – все для меня! Что ж, туда и отправлюсь!».

Дать себе отчет в дальнейших своих действиях Фауст вряд ли бы сумел. Он вышел куда-то из кабинета, вернулся, держа в руках пузырьки и пакеты с какими-то растворами, что-то вколол себе шприцем, что-то установил в капельницу и, наконец, лег на кушетку. Все это с механическим отсутствием каких-либо эмоций, будто то была дежурная процедура, а не опасное и рискованное погружение в состояние искусственной комы.

– Я продал бы душу за то, чтобы познать тайны этого мира, – повторил Фауст фразу, записанную утром в дневник сновидений, погружаясь в очередной сон. Только в этот раз, он засыпал не на ночь, а на целые годы. С риском никогда больше не проснуться.

Глава II

Первым, что увидел перед собой Фауст, был потолок. Не белый с чуть потрескавшейся штукатуркой потолок его кабинета в мединституте, а даже с виду тяжелая плита желтоватого песчаника. Впрочем, он не спрашивал себя: «Где я?» или «Почему песчаник?», – Фауст только видел, но мыслей никаких у него при этом не возникало. Потолок, стены, дверь... В дверь кто-то тихонько постучался, а спустя мгновение, она стала медленно открываться и, во все расширяющемся проеме, наконец, показалась головка рыжеволосой девушки. «Адалинда!», – вспыхнула наконец искра в сознании Фауста. – «Я сплю!», – понял он, и, последовавшее за этим чувство резкого падения, погрузило его во мрак.

Зато, потревоженный коротким вскриком Адалинды, проснулся Сильвестр.

– В чем дело? Что случилось? – забеспокоился молодой человек, поднимаясь с массивного сундука в собственной лаборатории, на котором и задремал после работы.

– Вы... вы парили над сундуком в воздухе, – наконец справившись с потрясением, пробормотала девушка.

Сильвестр засмеялся.

– Вам, наверное, показалось, сестра Адалинда, – поспешил он ее успокоить, – из-за дыма.

Сильвестр всю ночь готовил в этом помещении лекарства

для храма, а под утро уснул, позабыв его проветрить, таким образом, помещение и впрямь было сильно задымлено, и Адалинда успокоилась, списав увиденное, на обман зрения. Молодой алхимик, тем временем, уже копошился в другом конце комнаты, возле стола с перегонными кубами, ретортами и мензурками. Он укладывал склянки с приготовленными ночью зельями в короба обложенные для мягкости сеном.

– Все лекарства готовы, – по ходу дела говорил он, – и я сам отнесу их в храм, если вы еще немного подождете...

Он не закончил предложение, а руки, до того быстро и уверенно укладывающие зелья, вдруг остановились в воздухе. Сильвестр замер. Адалинда, вновь встревоженная столь резкой переменой в поведении молодого алхимика от суетливости к полному ступору, попыталась его окликнуть, но Сильвестр не отвечал. С двумя склянками в каждой руке стоял он над алхимическим столом, будучи не в силах пошевелиться, а взгляд его, тем временем, с невероятной быстротой скользил по столбцам и строкам висевшей над столом таблицы.

«Периодическая система химических элементов!» – пронеслась в его голове мысль, определенно ему не принадлежавшая. – «Полная! И даже дополненная. Черт, да здесь более двухсот элементов!».

– Все хорошо? – предприняла еще одну попытку «вернуть» Сильвестра Адалинда, на сей раз, сопровождая свои

слова робким прикосновением к плечу алхимика.

И даже столь легкого касания оказалось достаточно для того, чтобы вновь отправить Фауста в забытие. Одна из склянок выскользнула из дрогнувшей руки Сильвестра и разбилась.

– Да, да. Все в порядке, – наконец отозвался он, не вполне отдавая себе отчет в том, что не понимает причин внезапного ступора и удивления давно знакомой таблице, а, всего лишь, пытается придумать этому рациональное объяснение: – я просто... заметил ошибку в одной из своих новых формул.

И все же молодой алхимик был явно смущен случившимся и поторопился избавиться от неприятного ощущения.

– Ну вот! Все готово, – закончил он сборы. – Мы можем идти.

Но пусть от дома мастера-алхимика Зира до храма Исиды было не далеко, за время пути Сильвестр не единожды терялся в событиях, что не осталось незамеченным Адалиндой. Ее спутник пропускал мимо ушей некоторые вопросы и рассказы, часто переспрашивал, отвечал невпопад и вообще, временами, будто вовсе отсутствовал разумом и душой, а когда Адалинда обратила на это его внимание, не нашел ничего лучше, чем сослаться на то, что просто не выспался.

Фауст гостил в сознании Сильвестра все чаще, а провалы становились все реже и короче. Два разума сливались воедино: Фауст как бы подменял собою Сильвестра, впитывая

его воспоминания, его знания об этом мире, саму его жизнь, не замечая, как теряет все тоже самое, но свое. Сильвестр же, постепенно растворяясь в Фаусте, терял власть над собой и уступал ему место. Продолжая свой путь через поселок, в котором прожил уже почти три года, он часто оглядывался, а порой останавливался и с непонимающим видом осматривался вокруг, будучи уже не в силах отделить интерес Фауста к этому месту от собственной к нему привычки.

Сильвестр и Адалинда приблизились к храму Исиды – матери и царицы богов восточного пантеона. Великолепная пирамида, из гладко вытесанного песчаника с золотой фигурой расправившей крылья женщины на вершине, была вторым по значимости святилищем Исиды на Сандаане, после храма в Халиф-ар-Саде. Впрочем, теперь, когда все внимание богов, и не только восточного пантеона, приковали к себе острова злосчастного Краеугольного архипелага, храмы, перестав служить резиденциями богов, стали временными приютами для беженцев все с тех же островов.

Сильвестр и Адалинда вошли внутрь. Далеко впереди, в темноте освещенного лишь свечами центрального помещения храма, Верховная жрица в роскошном одеянии из воздушных белоснежных тканей и золотых украшений и несколько почти обнаженных сестер самого высокого ранга, проводили ежедневный ритуал поклонения богине вокруг алтаря перед ее пустующим тронem. Остальные служительницы Исиды, тем временем, корпели над десятками бе-

женцев, размещенных в части боковых и задних помещений храма. Присоединилась к ним и Адалинда.

К тому моменту, когда Сильвестр и Адалинда входили в храм, молодой алхимик уже начал терять власть над собственным телом. Он стал часто спотыкаться, от судорожного подергивания мышц зазвенели в коробе склянки, а на лице отразился страх перед тем, что с ним происходит и выступил холодный пот, который он даже не мог отереть, потому как руки перестали его слушаться.

Когда Сильвестр с трудом разжал кулак, передавая короб с лекарствами жрицам, он был мало отличим от больных и несчастных беженцев, во множестве здесь присутствующих. А большинство беженцев пребывало в ужасном состоянии. Слишком долго они оставались на холодных, сырых и грязных землях архипелага, до последнего затягивая свой отъезд, и теперь, кашель, хрип и стоны несчастных оглашали стены приютившего их храма.

Сильвестр не мог дольше оставаться в храме: он был очень напуган своим состоянием. Однако, на пути к выходу, за полу его одеяния схватился всеми брошенный бледный старик. Почему-то все сестры проходили мимо него, не понимая чего он хочет.

– Одеяло. Пожалуйста, дайте мне еще одно одеяло, – вполне понятно и отчетливо попросил старик.

Сильвестр, одной непослушной рукой поддерживая другую, исполнил просьбу несчастного, затем дал старику

немного согревающего отвара и, торопясь уйти, быстро сказал несколько успокаивающих слов в ответ на его благодарность.

– Ты знаешь язык Ньёрдлунда? – услышал он, вновь задержавший его бегство, вопрос Адалинды, удивленно наблюдавшей эту сцену с другими сестрами. И только теперь Сильвестр догадался, почему старика никто не понимал: тот говорил на мало известном языке, живущих обособленно от остального мира, северных кланов.

– Видимо да, – в свою очередь удивился своим познаниям Сильвестр, странным и пугающим голосом, будто одному эхом вторил другой.

«У сновидения есть свои преимущества», – пронеслась в его голове не вполне понятная мысль. – «Какое еще сновидение? Какие преимущества?».

И на лице молодого алхимика вновь отразился страх, а взгляд его бешено запрыгал вокруг. Сильвестр «слушал» свои слова и мысли и не мог определить, которые из них его, и вообще, принадлежат ли они ему.

– Ты в порядке? – сама потеряв счет тому, насколько часто сегодня задавала она ему этот вопрос, взволнованно спросила Адалинда, беря его за руку и стараясь поймать взгляд. Однако, на этот раз ответа не последовало: Сильвестр потерял сознание.

Его отнесли в дом мастера Зира, но ни зелья алхимика, ни молитвы и уход Адалинды и верховной жрицы не мог-

ли справиться с неизвестным недугом, постигшим Сильвестра. Ему становилось только хуже. Впрочем, постепенно боль Сильвестра становилась болью Фауста.

– Зуб даю, это Радж во всем виноват, – отчаянно сжимая кулаки, проговорил мастер Зир, беспомощно наблюдая за страданиями своего ученика. – Это из-за него в поселении творятся все неприятности.

– Он лишь исполняет желания, и делает это помимо своей воли, – вступилась за Раджа Адалинда.

– И ты сама можешь видеть как это опасно! – заметил молодой жрице Зир, указывая на разбитого конвульсиями ученика, а затем, обращаясь к верховной, рассказал и свою историю: – Не далее как вчера, уж не стану говорить из-за чего, жена в сердцах бросила мне «Что-б тебе пусто было!», – говорил почтенный алхимик. – Паршивец видимо оказался где-то рядом, и после этого все сосуды, будь то мензурка или кружка, чем бы я не пытался их наполнить, будь то зелье или эль, все время оказывались порожними. А я алхимик, черт возьми! Мензурки и зелья моя работа и мой заработок. Хорошо, что у меня был запас зелья развеивания злых чар, так и то я боялся взять в руки, думая, что оно испарится, пока, наконец, не закашлялся от ссохшегося от жажды горла и не убедил жену, будто это лекарство от кашля. Слава богам, обошлось!

– Сами виноваты! – снова вмешалась Адалинда. – Все это ваши собственные желания, и они должны быть произнесе-

ны вслух, чтобы исполниться. Если Радж действительно связан с болезнью господина Сильвестра, во что я отказываюсь верить, не иначе как кто-то из поселенцев пожелал ему зла.

– Довольно, сестра! Мы это уже обсуждали, – осадила Адалинду верховная жрица. – Жители поселения уже вынесли свое решение: способности Раджа непредсказуемы, опасны и не поддаются ни его, ни нашему контролю. Он должен быть изгнан.

– Но куда он пойдет, ваше святейшество? – возмутилась Адалинда, и чем больше она распалялась, тем более ярким становилось свечение ее огненно рыжих волос и горящих синим пламенем глаз. – Возможно, Радж последний из своего народа и если будет изгнан... Ваше святейшество, пустыня убьет его!

– А если его не изгнать, вместо пустыни тоже самое, рано или поздно, сделает кто-то из жителей поселения, – жестко ответила верховная жрица. – В любом случае мальчик погибнет, Адалинда, но так мы хотя бы спасем от греха чью-то душу. – Она возложила руку на плечо отчаявшейся и поблекшей Адалинды и указала на извивавшегося от боли в постели Сильвестра. – Подумай, что сделают с Раджем, если этот молодой человек умрет? – и, пожав плечами, добавила: – Вероятно, ракшасам больше нет места в этом мире.

В комнате повисла гнетущая тишина. Лишь треск костей и хруст сухожилий, напрягавшего кажется каждый мускул, молодого алхимика, и страх наблюдавших за всем этим ма-

стера алхимика Зира, его жены, верховной жрицы и Адалинды наполняли комнату, когда вдруг раздался слабый голос.

– Вообще-то, есть одно место, – проговорил, недавно очнувшийся и слышавший часть разговора, Сильвестр, – Талар.

Чета Зир и Адалинда бросились к нему, а верховная жрица задумалась.

– Да, пожалуй, это единственное место, где примут даже ракшаса, – подтвердила она с интересом поглядывая на молодого алхимика. – Надо же... Талар! Великий город порядка и Равновесие Мидгарда. Откуда тебе известно о нем, Сильвестр?

– Это мой дом, – ответил он. – И я отведу туда Раджа, только скажите: почему вы вините его в моей болезни?

– Потому, что он из народа ракшасов, – пояснила Адалинда. – Древнейшего народа, проклятого самым неожиданным способом исполнять, произнесенные вслух, желания. Скажи, ты что нибудь желал в его присутствии?

Но молодой алхимик вновь потерял сознание. С мыслью «О боги! Я продал душу!», Сильвестр окончательно погрузился в сон Фауста, а тот, занял и тело и разум алхимика, полностью подменив собою. И теперь, когда он очнется, лишь одно будет отличать Фауста от настоящего Сильвестра, но... он позабудет, что спит.

Глава III

Обморок Сильвестра незаметно перешел в освежающий и здоровый сон, а проснулся молодой алхимик отдохнувшим и бодрым. На утро ничто больше не напоминало о боли и страхах прошедшего дня, и даже обеспокоенности вчерашним состоянием не было: лишь странная, непонятно откуда взявшаяся, уверенность в том, что теперь все так, как и должно быть. А значит, отменять или откладывать поездку в Талар, решение о которой было принято в горячке таинственного недуга, Сильвестр не собирался.

Мастер-алхимик Зир принял Сильвестра в подмастерья около трех лет назад. Парнишка весьма благородной внешности и изысканных манер, прибывший с первыми беженцами Краеугольного архипелага, уже тогда имел немалые познания в алхимии, быстро и охотно учился, с удовольствием экспериментировал, но постоянно уходил в себя и погружался в глубокие раздумья, мало общался, уклонялся от расспросов, а когда речь заходила о его семье и о его прошлом, становился особенно хмурым и замкнутым. Сильвестр был для мастера Зира неразрешимой загадкой, но одно тот знал наверняка уже тогда – этот парнишка не задержится в поселении надолго: он из другого круга.

И вот настала та пора, когда Мастер Зир, – досадуя на Раджа за то, что тот появился в их поселении; на себя за то, что

ополчился на Раджа; на Сильвестра за то, что от него уходит, – помогал ученику со сборами. Сестра Адалинда, пришедшая навестить молодого алхимика и осведомиться о его здоровье, с удивлением узнав о внезапном исцелении и даже начавшейся подготовке к путешествию, тоже убежала собирать Раджа. Впрочем, через пару часов она вернулась, задумчиво уселась на сундук в лаборатории Сильвестра и, минуто спустя, твердо изъявила свое намерение:

– Я пойду с вами! – не предполагающим возражений тоном сказала она. – Хочу лично убедиться в том, что Радж будет хорошо принят в Таларе.

Однако никто и не думал ей перечить: общество молодой и заботливой служительницы Исиды, весьма сведущей во врачевании, обещало быть не только приятным, но и полезным, даже не смотря на то, что дорога, хоть и дальняя, лежала через оживленные и охраняемые торговые пути и была довольно безопасной. На этом варианте и решено было остановиться. В своем стремлении поскорее спровадить ракшаса, поселенцы даже не стали дожидаться каравана из Халиф-ар-Сада, который мог бы доставить путников в портовый город Минаб, и самостоятельно снарядили им пару верблюдов в дорогу.

Сильвестру, Адалинде и Раджу предстояло несколько дней пути через пустыню Сандаана до портового города Минаба, где они сядут на первый же корабль, отплывающий в Маринополис – одно из семи королевств Мидгарда, –

а оттуда, немного отдохнув после двухнедельного плавания, почтовым дилижансом еще за пару недель доберутся до Талара – конечной их цели. Далекое путешествие предстояло совершить этой троице, но никто из поселенцев не пожелал им счастливого пути, опасаясь, как бы и это пожелание не обернулось во вред проклятием народа ракшасов.

Сильвестр, несмотря на статус подмастерья, был довольно искусным алхимиком. Его, предусмотрительно изготовленные, снадобья позволяли не только на удивление легко переносить жар пустыни, но и защищали от прочих неприятностей пути. А так как путешествовали втроем, а не с целым караваном, то и способности Раджа провоцировать на неприятности было некому. Таким образом, пустыню между поселением и городом Минаб путники преодолели довольно скоро и без особых трудностей, не испытав ни сложностей палящего зноя, ни опасностей зыбучих песков и песчаных бурь.

Адалинда, в свою очередь, оказалась очень приятной, нужной и интересной спутницей. Прекрасная служительница Исиды, она многое знала, и за время путешествия по однообразной и скучной пустыне поведала Сильвестру и Раджу немало чудных истории о джиннах, ифритах, магах и чародеях-дервишах. А оказавшись на корабле «Красный гриф», рассекающем волны, бывшего таким же скучным и однообразным как пустыня, моря, девушка рассказала своим спутникам легенду о сотворении мира, великом титане Кроносе и проклятиях первородных.

«Когда-то очень давно, когда пространство еще не наметило границ и даже время еще не начало свой бег, в непрекращающейся борьбе существовало лишь два состояния – хаос и порядок. Без каких-либо целей и мотивов, просто по сути своей, они во всем противодействовали друг другу: хаос усмирался порядком и порядок разбивался хаосом. Однако и в этом была своя закономерность и так продолжаться не могло. Однажды, хаос навсегда разбил порядок и развеял бесчисленное количество его осколков в бесконечном хаосе времени, пространства и измерений, до того созданных их борьбой. И тогда, вокруг каждого осколка порядка стали зарождаться миры со своими правилами, законами и... порядками.

Так появился и наш мир. День и ночь, земная твердь и морская пучина, животные, рыбы и птицы, даже чудовища: все было сотворено с определенной целью и пребывало в гармонии. Так что семь первородных народов: титаны, боги, индиго, инферналы, серафимы, ракшасы и эльфы, – жили в столь прекрасном мире, что казалось будто хаос, присутствующий во всей остальной вселенной, отсутствовал здесь вовсе. То была первая эпоха молодого мира, продлившаяся почти шесть тысяч лет – счастливая, беззаботная, мирная; всего тогда было в довольстве, но как и все сущее, эпоха эта имела свой конец.

Случилось так, что Кронос, – один из титанов, – нашел в глубокой темной пещере таинственную пирамидку из неизвестного кристально чистого и прозрачного материала и, взяв ее, обрел невиданное могущество. То был осколок порядка – родитель мира. И с его помощью Кронос творил необычайные вещи: взмахом руки возводил он города, сдвигал горы и поворачивал реки. Он привел свой народ к довольствию и процветанию, но, внося изменения в идеальный порядок, привлек в мир хаос: климат, ранее бывший везде умеренным, стал где-то нестерпимо жарким, а где-то леденяще холодным; небо, бывшее всегда ясным, время от времени стало затягиваться грозowymi тучами; моря, бывшие всегда спокойными, порою стали раздираться яростными бурями; а народы, бывшие дружными и мирными, стали подвержены страстям.

Так началась вторая эпоха – самая непродолжительная в истории, но страшнее которой ни до, ни после не было. Первыми, обуреваемые завистью к своему возвысившемуся сородичу, мир нарушили титаны. Могучий Тифус и его приверженцы, обвинив Кроноса в нарушении первозданного порядка, потребовали отдать осколок им. И началась Великая Вражда. И в мире воцарился хаос. Война титанов распространилась на все остальные народы, поселив раздор в каждом из них. Лишь боги избегли хаоса братоубийств и кровосмешений, всем своим народом встав на одну сторону – за Кроноса. Но чем дольше длилась война, тем более обезу-

мевшим становился мир. Даже животные и чудовища сходили с ума: именно те времена породили кентавров и мантикор, грифонов и минотавров, сфинксов, химер, ехидн и прочих противных порядку существ.

Великая Вражда длилась несколько веков и продолжалась бы столько же, но убийство, собственноручно совершенное Кроносом в одном из сражений, наконец, открыло ему глаза на происходящее. С полным ужаса взором стоял он над телом только что сраженного Тифуса, затем оглядел усеянное трупами поле боя. И вид того, как сородичи убивают друг друга, как клюют тела павших стаи кровожадных грифонов, как упиваются смертью уродливые упыри и тени. словно стер туманную пелену с его глаз, и он все понял. Он понял, что виной всему осколок порядка; что все хотят овладеть его могуществом, но порядок не должен принадлежать никому и в то же время всем. Осколок нужно оставить в покое, потому что любое вмешательство в порядок привносит хаос.

Кронос решил навсегда спрятать осколок и положить конец этой ужасной войне. Он созвал представителей всех семи первородных народов, чтобы объявить о своем решении и на глазах у всех в последний раз воспользовался могуществом осколка порядка. Он открыл в земле страшную бездну Тартара, – место все еще лишённое измерения, пространства и времени; абсолютную пустоту, – чтобы бросить туда осколок. Но титаны, дольше всех находившиеся во власти хаоса,

уже стали его рабами, они окончательно обезумели и бросились вслед за осколком в уже закрывающуюся бездну Таргара, оказавшись в его вечной неволе. Так исчез вождельенный всеми осколок, так исчез могучий народ и так закончилась Великая Вражда, ознаменовав окончание эпохи кровопролития. Но проклятье хаоса навсегда закрепилось за каждым из участвовавших в ней народов.

К началу третьей эпохи – эпохи раздела нового мира, продолжившейся чуть более двух тысяч лет и ознаменовавшейся истреблением чудовищ Великой Вражды, расселением народов по континентам и длительной борьбе за власть на крупнейшем из них – Мидгарде, – могучих титанов попросту не стало. Большая часть их немногочисленных потомков, – гномов и танов, – без конца враждующими кланами живут и поныне в холодных горах и пустошах Ньёрдлунда. Их народ не множится, ибо не мыслит себе жизни без войны, и народившееся потомство, почти всегда, равно жертвам их распрей. Кроме того, они, как и их предки, испытывают безумную тягу к преобразованию существующих в природе порядков, изобретая удивительные и опасные вещи. При помощи шестерней и пара гномы научились оживлять самые разнообразные конструкции из дерева и металла, а таны, каким-то противоестественным образом объединяют свои изобретения с магическими заклинаниями. Рассказывают, будто давным-давно, еще в те времена, когда гномы и таны сосуществовали в относительно мирных отношениях, два этих на-

рода совместными усилиями создали настоящий летающий город для первых потомков серафимов. Впрочем, вряд ли кто-то из ныне живущих видел этот город, и сейчас он – лишь легенда.

Прекрасные шестикрылые серафимы были прокляты постоянно испытывать сильные желания, искушения и страсти, и жить в вечной борьбе с ними или в вечном их рабстве, ибо не могли найти равновесия. Их потомками стали народы, сохранивших свет и крылья прародителя, ангелов, избравших воздержание, и, истлевших телом и душой, демонов, подавшихся соблазну. Поначалу и те и другие жили вместе на парящем городе, но две ветви, бывшего когда-то единым, народа скоро стали абсолютно непохожи и даже противны друг другу, и ангелы прогнали демонов. Оставшиеся на земле демоны, постоянно предаваясь наслаждениям, греху и пороку, очерствели и перестали удовлетворяться собственными потребностями. Теперь, они находят удовольствие в том, чтобы вводить во искушение и во грех других существ: слабые демоны, – черти и бесы, – вселяются и одерживают власть над уязвимой жертвой, через нее удовлетворяя голод, жажду, алчность, гнев и похоть; а сильные, – дьяволы, – принимая чужой облик, обманом и хитростью, искушая и соблазняя, подталкивают к пороку даже лучших из смертных, чтобы насладиться их чувствами вины, отчаяния и грехопадения. Что до ангелов, то со временем они, закаленные вечной борьбой с искушением, стали холодными и ко всему равнодушными

существами, а их рассудительность, расценивающая последствия каждого их шага и помогающая в их борьбе с соблазном, за века сделала их провидцами. Впрочем, зная будущее, они, в силу все того же равнодушия, никогда не пробовали его изменить даже в лучшую сторону.

Благородные и величественные эльфы, некогда бывшие мудрейшим народом, лучше всех понимающим суть и порядок этого мира, поддавшись хаосу и вступив в Великую Вражду, навсегда утратили свою мудрость и познали вечный раскол. Их потомки: рибхукшаны, – живущие в густых лесах, лунные эльфы, – ищут мудрость в гармонии с природой и сейчас являются самым мирным и дисциплинированным народом; ырки, – мистические темные эльфы, – считают, что мудрость заключена в знаниях, и за века накопили их столько, что теперь боевому искусству ырок завидуют военачальники едва ли не всех народов, а творимое ими волшебство поражает даже чародеев гильдии магов; сикомэ, – воинственные горные эльфы, – уверены, что мудрость заключается в силе и, пожалуй, единственные превосходят ырок в ратном деле, а в физической подготовке им и вовсе нет равных.

Удивительный народ света, – индиго, – оказался обречен на то, чтобы никогда больше не чувствовать сожаления и горя, что поначалу было воспринято ими за великое благо, но, со временем, отсутствие сострадания, чувства вины и мук совести ожесточило их и сделало народом хладнокровных предателей и убийц, очень быстро и почти полностью истре-

бывшим себя самого. А близкий им народ тепла, – инферналов, – оказался обречен на невозможность быть счастливым. Счастье сжигало их изнутри и постепенно убивало, но, разумеется, никто от него не отказывался, и этот народ в третью эпоху тоже быстро поредел. Все народы людей – это их потомки, а чистокровные представители инферналов и индиго теперь рождаются лишь раз в эпоху, неся в мир то, что сами испытать не могут.

Могущественные боги, менее всех подвергшиеся хаосу, в отличие от остальных первородных и их потомков, имеющих смертные тела и бессмертные души, являются существами абсолютно бессмертными. Они прокляты дожить до следующего явления в мир царства хаоса, ибо привыкнув к вечной жизни, боги окажутся слепы к приближающейся гибели, которой суждено ознаменовать разрушительный конец старой и кровопролитное начало новой эпохи. Впрочем, третья эпоха миновала, а четвертая – миротворческая эпоха Талара – продолжается уже полторы тысячи лет, но боги продолжают здравствовать и многим кажется, что они избежали проклятия хаоса вовсе.

И, наконец, ракшасы, в противоположность богам, прокляты быть телом и душой смертными. Они могут прожить тысячи лет, но если умирают, то полностью и навсегда – без надежды на какое бы то ни было загробное существование. Впрочем, никому из ракшасов не удавалось прожить так долго, ибо главным их проклятием является способность поми-

мо собственной воли исполнять желания. Ею они повсюду сеют хаос, за что и подвергаются жестоким гонениям где-бы не объявились. Когда-то давно на них даже была объявлена охота: ракшасов нещадно уничтожали или насильно ставили над ними всевозможные магические опыты, в безуспешных попытках избавить их от проклятья, также обычно завершавшихся смертью. Потомками народа ракшасов, но не прямыми, а созданными в результате упомянутых опытов, стали джинны и ифриты – волшебные существа способные по собственной воле направлять случайные заклинания: джинны – благословения, а ифриты – проклятия. Сами же ракшасы, с конца третьей эпохи и до сих пор, считались вымершими.

И все же, несмотря на проклятия хаоса, в мире стал устанавливаться новый порядок, уже с учетом проклятых первородных и появившихся новых народов. Постепенно и очень медленно, но жизнь в мире налаживалась. Только Кронос все еще не находил себе места в нем: он, как и все титаны, был одержим осколком порядка. И вот однажды, Кронос попросил богов приковать себя алмазовыми цепями к горам неподалеку от того места, где был погребен осколок порядка, с тех пор называемый «Волей Кроноса», дабы быть достаточно близко к нему, чтобы не сойти с ума, и достаточно далеко, чтобы удержаться от соблазна вернуть его себе. Считается, будто именно на этих цепях, спустя столетия, были возведены стены Талара, а где-то под самим городом находятся останки титана и осколок порядка, благодаря которо-

му Талар смог стать, и по сей день является, оплотом мира во всем Мидгарде».

За такими вот историями и легендами путники незаметно для себя преодолевали свой путь. Сильвестр и Радж все сильнее привязывались к Адалинде, а она, без сомнения чувствуя это, отвечала им взаимностью. Так, отношения между молодой жрицей Исиды и молодым алхимиком из дружеских становились все более и более романтическими, а путешествие все более и более приятным.

Огненно рыжие волосы Адалинды и ее синие, будто излучавшие мягкое голубое свечение, глаза становились все ярче и все больше походили на не обжигающий пламень: девушка становилась все прекрасней, но, вместе с тем, от чего-то грустной.

– Силва..., – решила было она что-то сказать, но тот мягко остановил ее.

– В стенах Талара проклятия хаоса не имеют силы, Ада, – напомнил он, давно догадавшись, что Адалинда принадлежала к тому самому народу инферналов. – Там ты сможешь быть счастливой.

Тем не менее, было ясно, что его самого гложет некое беспокойное чувство и с каждым днем, приближающим путников к заветному городу, оно только нарастает. Впрочем, говорить об этом Сильвестр не хотел, а Адалинда не рас-

спрашивала, понимая, что все и без того станет ясно, когда они окажутся в Таларе. Тем более, что впереди уже виднелись далекие клубы зеленоватого тумана, а вскоре, появились и очертания, раскинувшегося во всю ширь горизонта, материка Мидгард.

Глава IV

Мидгард – центр мира и самый крупный его материк, в самой середине которого, в свою очередь, располагается княжество Таларское и город Талар, являющийся политической и экономической основой материка. Территория этого княжества находится в окружении семи королевств Мидгарда, возникших еще в третью эпоху, и непосредственно граничит с пятью из них. Давным давно, каждое из этих королевств желало присоединить земли Талара к своим владениям, но из-за их огромной стратегической важности никому не удавалось этого сделать. Если какое-то королевство осаждало Талар, остальные тут же ополчались против агрессора, не желая его усиления. Если же одно из королевств угрожало другому, князья Таларские, в свою очередь опасавшиеся сильных противников, оказывали поддержку обороняющимся. Таким образом, со временем за Таларом закрепилась репутация хранителя равновесия между королевствами Мидгарда, и на материке на многие сотни лет установился мир, давший начало новой – четвертой – эпохе. А к правителям Талара, в случае возникновения конфликтов, за советом стали обращаться и из заморских стран и даже сами боги.

Сильвестр, будучи уроженцем Мидгарда, хорошо знал его историю и географию, а также был знаком с особенностями каждого из семи королевств и Таларского княжества. Напри-

мер королевство Маринополис, в одном из портов которого бросил якорь «Красный Гриф», благодаря самому большому и удобному побережью, а также наибольшей близости к Ньёрдлунду и Сандаану, являлось центром морской торговли. Его одноименная столица давно растянулась почти во всю территорию королевства, не поглотив только несколько деревень на юго-западной и северо-восточной границах. Этот крупнейший и богатейший город представлял собой многоуровневую пирамиду, в которой вся ширь береговой линии была занята сплошь доками, причалами, лодочными стоянками, товарными складами и постоянными дворами, а жилые районы и административные здания располагались гораздо дальше и выше, вершину же пирамиды венчали особняки местной аристократии и королевский дворец.

Несмотря на громадные размеры, в Маринополисе, как и в любом другом портовом городе, царила преступность и коррупция, что, в купе с ни на минуту не прекращающимся шумом и гамом разномастной толпы, делало город, по крайней мере нижние его уровни, не самым приятным и безопасным местом. Поэтому Сильвестр, Адалинда и Радж не стали здесь задерживаться. На наемном экипаже добрались они до западной окраины Маринополиса и, переночевав в наиболее приличном постоялом дворе, на утро присоединились к пассажирам почтового дилижанса, направлявшегося в Таллар.

Трое путешественников, в силу опасной особенности Ра-

джа, держались обособленно от остальных пассажиров дилижанса, стараясь как можно меньше разговаривать с ними и не привлекать к себе излишнего внимания. Это было не так уж сложно, учитывая тот факт, что Адалинда и Радж оказались в Мидгарде впервые и теперь с увлечением смотрели в запыленные окна, более заинтересованные тем, что находилось снаружи дилижанса, чем внутри его. Сильвестр тоже посматривал в окно, но, в отличие от своих спутников любовавшихся новым для себя пейзажем, состоявшим из гор, лугов и мельниц, он не мог не отметить увеличившееся количество патрулей на знакомых дорогах. Строгость стражи на подъездах к деревням и селам тоже настораживала, впрочем дилижанс проезжал мимо большинства из них, даже не останавливаясь для выгрузки и приема посылок и почты, ведь теперь это делалось только в городах.

Возможно для тех, кто никогда не бывал в Мидгарде раньше, как Адалинда и Радж, или тех, кто жил здесь постоянно, как другие пассажиры дилижанса, эти меры не представлялись чем-то странным, но для Сильвестра, вернувшегося на родину после трех лет на чужбине, в них явственно чувствовались изменения в сторону недоверия, подозрительности и даже опаски в отношениях между королевствами. И это чувство лишь подтвердилось, когда почтовый дилижанс был остановлен отрядом людей в военных мундирах. Это произошло при въезде в какую-то мелкую деревушку в горах, название которой Сильвестр не помнил и которую объехать-то

было нельзя из-за недавно возведенного частокола, перекрывающего дусдандский перевал в месте где Маринополис граничил с королевством Дусданд.

Стража выстроилась у двери дилижанса, один из офицеров отворил ее и просил всех пассажиров по очереди выйти на солнечный свет и ответить на несколько вопросов о своей персоне и цели пересечения границы. Скрывать троице путников было нечего, опасности они из себя не представляли и подобная процедура не должна была оказаться для них проблемой. Впрочем, до Сильвестра, Адалинды и Раджа, путешествовавших в самом конце вагона дилижанса, очередь не дошла вовсе.

Во время дежурного опроса дусдандской стражи в деревенской часовне зазвонил колокол, призывавший местных жителей оторваться от работы и отправить служение своим богам. От звона колокола Сильвестра вдруг разбила мелкая конвульсивная дрожь, появилось двоение в глазах, застучали зубы и резко разболелась голова. Какое-то время Сильвестр держал себя в руках, не подавая виду о своем недомогании, потом закачался взад-вперед, все еще сдерживаясь, и наконец, будучи не в силах больше терпеть, сделал отчаянно резкое движение рукой в сторону раздражавшего его колокола, словно отмахиваясь от чего-то.

В тот же миг колокол буквально сорвало с часовни и тот, упав наземь, перекатился через улицу и раздавил хлипкий деревянный амбар напротив. Таким образом у стражи по-

явились заботы поважнее дежурного опроса, а дилижанс, пассажиры которого оказались обеспечены темой для разговора на ближайший час, получил разрешение продолжить свой путь. И только остававшиеся на момент падения колокола в дилижансе, Сильвестр, Адалинда, Радж и средних лет воин в доспехах с неизвестной символикой, такой же нелюдимый и неразговорчивый, как и их троица, знали наверняка причину падения колокола.

Адалинда, которой недомогание Сильвестра напомнило о постигшем его на Сандаане недуге, заметно заволновалась, несколько раз осведомилась о самочувствии своего спутника, и даже после того как он ее успокоил на этот счет, долгое время не сводила с него пристального взгляда. Болезнь болезнью, а необычные явления заставляли о себе задуматься. Впрочем, нелюдимый воин, ставший свидетелем того же явления, казалось не придавал произошедшему никакого значения. Или же только делал вид, что ему все равно, но нет-нет да и поглядывал задумчиво в сторону Сильвестра. Как бы то ни было он не стал распространяться по поводу произошедшего. Не стал он и вступать в беседу остальных пассажиров дилижанса, обсуждавших несчастный случай в деревне, хоть и знал чуть больше, чем они. Да и Сильвестру он расспросами не докучал. Таким образом, убедившись, что с Сильвестром все в порядке, а покой их нарушать никто не собирается, Адалинда вскоре тоже успокоилась и они с Раджем вновь углубились в созерцание красот

природы Мидгарда.

Так миновали они перевал Дусданда и, наконец, пересекли границу Таларского княжества. Дилижанс выехал на тщательно вымощенную дорогу, рассекающую широкую равнину и уходящую вдаль настолько, насколько хватало глаз. Это было Малое торговое кольцо, окружающее собою весь Талар. Оно соединяло в себе все торговые пути Мидгарда, облегчая торговлю между королевствами не граничащими друг с другом напрямую. Кроме того, если за проезд через свои территории по Большому кольцу, охватывающему весь материк, за исключением непроходимых гор Ургуро, каждое королевство назначало свой налог, то за пользование дорогами Малого кольца князь Талара никаких пошлин не взимали, что делало их еще более выгодными для торговых караванов. А раз в год, на Таларской равнине близ южного тракта, по которому и ехал сейчас почтовый дилижанс, проходила знаменитая Мидгардская ярмарка, на которую съезжались купцы и покупатели со всех семи королевств.

Отсюда открывался потрясающий вид: широкая равнина, перечеркнутая синей полоской реки; редкие холмики, живописные ветряные и водяные мельницы с лепящимися к ним маленькими фермами и злаковыми полями; и наконец, прекрасный город вдалеке со стенами и башнями из белого камня, возвышающийся меж двух горных вершин – все это Талар. Здесь долгое путешествие Сильвестра, Адалинды и Раджа подходило к концу.

Дилижанс подъехал к южным воротам города Талар, где был встречен отрядом городской стражи для проведения обычной здесь процедуры: каждый, входящий в город, должен был вписать свое имя в волшебную книгу «Привратник Талара», в последствии, из новых записей, разговоров, слухов, сказаний и легенд, самостоятельно дополняющую информацию о каждом, кто когда-либо посещал этот город.

«Сестра Адалинда, служительница Исиды девятого таинства» – первой вписала свое имя прекрасная спутница Сильвестра, а следом за ней вписал свое и Радж: «Раджеш Кафф, беженец с островов Краеугольного архипелага».

И врата гостеприимного города незамедлительно отворились перед обоими. Сильвестр же отчего-то медлил.

«Сильвестр Рашуа, княжич Таларский и лорд Д'Этто. Старший сын и наследник покойного великого князя Максимилиана Таларского» – наконец вписал он свое имя в книгу, весьма далекими от решительных, движениями пера. И шагнул в открывшиеся и перед ним врата Талара с нескрываемым облегчением, что не соответствовало громкости указанного в книге имени. Как будто бы могло быть иначе...

Глава V

Вслед за Сильвестром в город вошел офицер встречавших их стражников.

– Следуйте за мной, ваше высочество, – сказал он, обращаясь к Сильвестру.

Офицер проводил Сильвестра и его спутников к карете с гербами Талара, – уравновешенными весами в виде золотой буквы «Т» на серебряном поле, – и отвез их напрямик в Белую башню – жилище правителей Талара.

Это огромной высоты здание, выстроенное прямо в центре города между двумя высокими горными пиками и превышающее их, можно было видеть из любой точки города, а оттуда, с самого верха ее, можно было обозревать едва ли не все княжество целиком. Кроме смотровой площадки, на верхних этажах башни располагались знаменитые на весь Мидгард библиотека, богатейший архив и реликварий Талара.

Адалинда и Радж были не мало удивлены и взволнованы честью оказаться здесь, а Сильвестр, напротив, был спокоен как никогда за все время их путешествия, будто все его волнения остались далеко позади или приблизились настолько, что вынуждали полностью собраться. И как оказалось верным был второй вариант, потому как миновав очередную комнату башни, сопровождавший их офицер, корот-

ко сказав что-то находившемуся здесь камердинеру, распахнул перед Сильвестром, Адалиндой и Раджем двери обширной и прекрасной тронной залы. Войдя, он отступил в сторону, пропуская всю троицу вперед, и громко провозгласил:

– Его высочество Сильвестр Рашуа, княжич Таларский и лорд Д’Этто, вернулся!

Это сообщение произвело на собравшихся в тронной зале огромный эффект: Бенедикт Тит – архивариус Талара и ближайший советник покойного лорда Максимилиана, – резко поднялся с кресла регента, поставленного перед пустующим тронном князя Талара; молодой человек, сидевший рядом с ним и оказавшийся младшим братом Сильвестра – виконтом Себастьяном Таларским, – бросился обнимать брата; Адалинда и Радж, больше всех пораженные вестью, ошарашенно перешептывались немного в стороне; а весьма разнообразные реакции присутствовавших в зале аристократов, посольств семи королевств и чиновников Талара слились в какой-то невообразимый гомон.

– Тихо! – наконец призвал всех успокоиться Бенедикт Тит и, когда в тронной зале воцарилась тишина, довольно холодно обратился к Сильвестру. – Зачем ты вернулся?

– Чтобы занять свое место, архивариус – в противовес холодному тону Бенедикта и не желая называть его регентом, просто и уверенно ответил Сильвестр, кивком головы указывая на пустующий высокий трон.

В зале вновь начались волнения высокопоставленных

особ.

– Тихо! – громче и более властно повторил свой призыв регент и, восстановив порядок, продолжил свой разговор с Сильвестром. – Великий князь Максимилиан, твой отец, погиб насильственной смертью и не был отмщен. По законам Мидгарда ты не можешь наследовать своему отцу, пока не выплатишь долг крови.

– Мой отец погиб от рук богов, – напомнил в ответ Сильвестр, – которые сами призвали его, дабы выслушать мнение владыки Талара по поводу кризиса Краеугольного архипелага. В истории Мидгарда не было еще случаев, когда долг крови имел бы отношение к бессмертным. Может ли быть долгом обязательство, которое заведомо невозможно исполнить? Является ли смерть от рук богов убийством или сие есть судьба? В законе ничего не значит на этот счет.

– И тем сложнее ситуация: на тебе неоплатный долг крови, а сама твоя жизнь – помеха законности наследия трона твоим братом. Тебе не хуже всех нас известно об этом, Сильвестр, и вряд ли я ошибусь, если выскажу предположение о том, что именно осознание этого факта побудило тебя бежать три года назад. Так я перефразирую свой вопрос: не зачем, а почему ты вернулся? Что изменилось?

Вся эта ситуация очень не нравилась Сильвестру: в присутствии Себастьяна и Бенедикта, разговаривал он преимущественно с последним, а значит, хоть тот и был всего лишь регентом и хранителем трона, у него было больше власти,

чем у сыновей покойного правителя. Но пока-что приходилось с этим мириться.

– Вероятно, изменилось мое отношение к пресловутому долгу крови, – по прежнему с достоинством отвечал Сильвестр. – Я больше не считаю себя обязанным его выплачивать.

И снова в тронной зале возроптали послы и аристократы, а удивленный наглостью Сильвестра регент воскликнул:

– Неужели ты думаешь, будто мы можем самовольно взять и отменить в отношении тебя древний закон Мидгарда? Это только уронит, и без того уже заметно павший, авторитет Талара в семи королевствах.

– Отнюдь, – перекрывая своим голосом недовольство собравшихся в тронной зале, отозвался Сильвестр, – я так не считаю. – И весьма значительным тоном добавил: – Поэтому я и вернулся. Я созову совет семи королей Мидгарда, поставлю перед ними этот вопрос и, если они освободят меня от весьма спорного долга крови, взойду на трон своего отца.

Молчание повисло в огромной зале после этих слов старшего сына князя Максимилиана. Совет семи королей был традицией пожалуй более древней, чем даже долг крови, который здесь поминали с таким трепетом. Вот только совет этот собирался лишь дважды за всю эпоху, но зато решение, принятое им, всегда было непреложным и действительно могло вернуть Сильвестру право на трон.

– А пока, архивариус, – продолжал Сильвестр тоном истинного правителя, – распорядитесь приготовить покои для меня и моих спутников.

Сказав это, он развернулся и вышел из тронной залы. Адалинда и Радж, мало что понявшие из всего услышанного, последовали за ним. Немногим позже, уже в коридоре ведущем к жилым покоям, к ним присоединился догнавший брата Себастьян. Послы и вельможи остались в тронной зале обсуждать случившееся, а Бенедикт Тит, жестом подозвав к себе крепкого телосложения, ужасающе бледного блондина, который леденящим взором ничего не выражающих синих глаз провожал братьев Таларских и идущих следом за ними девушку и мальчика, сказал:

– Планы меняются, Хейнрик. Все произойдет быстрее и проще, чем мы рассчитывали.

Сильвестр, Адалинда и Радж впервые за долгое время провели ночь в роскошных и уютных покоях Белой башни, а не в придорожном трактире, каюте корабля или вовсе закутавшись в плащ на холодной земле у костра. Служительнице Исида и Ракшасу было дозволено оставаться здесь ровно на столько, сколько они пожелают, но Сильвестру вскоре предстояло покинуть Талар и отправиться в еще более продолжительное путешествие, поэтому, в отличие от своих спутников, с самого утра отправившихся на прогулку в го-

род, он решил сполна насладиться отдыхом.

Весь Талар уже был в курсе того, кто именно приехал прошлым вечером в город, но к ракшасу, тем не менее, не было проявлено никакого предубеждения. Связано ли это было с Сильвестром, возвращение которого оказалось более громким и волнующим событием, или просто в этом городе, за долгие века давшим кров беглым джинам, повсеместно истребляемым сиренам и гарпиям, гонимым ведьмам и прочим изгоям, отвыкли удивляться любым чужеземцам, но Радж, так или иначе, был здесь очень хорошо принят. Лишь два требования предъявлял город ко всем желающим в нем остаться: не мешать жить другим и вносить в эту жизнь свой посильный вклад. С первым помогла аура порядка Талара: до сих пор успешно справлявшаяся даже с жаждой крови вампиров и ликантропией оборотней, она и с проклятием первородного народа ракшасов обещала справиться. Со вторым Раджу помог младший брат Сильвестра – княжич Себастьян, – предложив устроить казавшегося крепким мальчика в подмастерья к местному кузнецу.

Таким образом, Адалинда довольно скоро успокоилась относительно будущего Раджа и смогла полнее озаботиться проблемами другого своего спутника. Вернувшись из города и рассказав о том, как хорошо приняли Раджа, девушка принялась выспрашивать у Сильвестра подробности того, чему накануне стала свидетельницей в тронной зале Белой башни. И Сильвестр, который сам хотел просить Адалинду

об одной, тесно связанной с этой историей, услуге, рассказал ей все.

– Три года назад, – начал он свое повествование, – распространился слух, будто на Краеугольном архипелаге были обнаружены обильные месторождения ртутного серебра, до тех пор считавшегося несуществующим материалом. Среди алхимиков он почитался такой же легендой, как философский камень. Он способен разделять смертные и бессмертные сущности, а так как боги имеют только бессмертные, оружие из ртутного серебра, в теории, может оказаться для них смертельным.

Слухи оказались правдой. Несколько самородков этого материала действительно были найдены на островах архипелага, и пару образцов даже привезли в Талар. Боги всех трех пантеонов незамедлительно отправились на острова. Они прожили очень длинные жизни и потому не страшатся смерти, но возможный разлад, который существование подобного оружия может поселить среди них самих и смертных народов, весьма обеспокоил их. И они поставили перед собой вопрос, могущий повлиять на очень многие судьбы: стоит ли допустить существование оружия, способного поразить самих богов, или же нужно уничтожить Краеугольный архипелаг и навсегда избавить мир от искушения владеть такой властью.

Боги – существа вечные, но они не всемогущи и не всеведущи; они не могут знать будущего, но имеют достаточно

времени, чтобы обдумать решение любой проблемы. И они принялись рассматривать все варианты возможного развития событий для обоих вариантов, вплоть до изменения направления морских и воздушных течений и перемены климата, если они решат затопить Архипелаг, и даже войны смертных и бессмертных народов, если они этого не сделают, не замечая при этом, что присутствие столь многих могущественных существ в одном месте само собой уже стало губить архипелаг бесконечными грозами и бурей, а в других местах, оставшиеся без покровителей смертные, начали творить беспорядки и совершать безумства.

Князья Таларские издревле славились своими дипломатическими и миротворческими способностями; их часто призывали для решения всевозможных разногласий, и в этот раз, к их мудрости обратились сами боги. Они призвали великого князя Максимилиана, – моего отца, – на Краеугольный архипелаг, дабы услышать его мнение относительно их соображении по этому вопросу, а я, как наследник и ученик, отправился с ним.

По приезде на острова мы узнали, что как раз накануне нашего прибытия, с ртутным серебром провели ряд экспериментов и выяснили, что материал не поддается ни ковке, ни плавке, ни алхимической перегонке, ни даже магическому разложению, ибо смертные, даже при случайном прикосновении к нему, надолго теряли сознание, а при длительном воздействии впадали в беспробудный летаргический сон.

Казалось, будто одно появление князей Таларских уже решило все проблемы, ведь если материал не поддается обработке простым смертным, то сделать из него оружие могут лишь сами боги, а значит, ртутное серебро не представляет для них угрозы до тех пор, пока они сами не обратят его себе во вред.

С хорошим настроением шли мы с отцом в зал, где совещались боги, думая легко вернуть помыслы богов к насущным делам смертных. Войдя, я и наша свита, как велит этикет, остановились недалеко от входа, а отец, один, прошел в середину залы. Ничто не предвещало печального исхода, но когда князь Максимилиан отбросил в сторону полу своего плаща и в знак почтения опустил на одно колено перед собранием богов, невообразимая волна палящего гнева, обжигая, разлилась по всей зале. Даже находясь довольно далеко от неведомо почему распалившихся богов, – эпицентра этой волны, – я, вместе со всей свитой, был сбит ею с ног и ощутил ее жар. Ошарашенный и напуганный, вновь и вновь падая, я пытался подняться и броситься к отцу, чей сторающий силуэт еще виднелся в этом палящем свете, но крепкие руки гвардейцев из нашей свиты ухватили меня и поволокли вон из зала. Последнее, что я увидел покидая это место, был меч, лежавший в кучке пепла, до того бывшей моим отцом.

Страшная картина божественной ярости и гибнущего в ней отца еще долго преследовала меня, и только бежав на соседний остров, я и мои спутники стали понемногу успо-

каиваться, но... всем вдруг стало ясно, в какой ужасной ситуации я оказался. Мало того, что я потерял отца, так по древнему закону Мидгарда на старшего сына, погибшего насильственной смертью родителя, возлагается долг крови – отомстить или заставить служить себе убийцу. В случае с богами, оба варианта одинаково пропачки.

Для другого, это возможно было бы меньшей проблемой, но я – наследник Талара, и вместе со мной в почти безвыходной ситуации оказывалось целое княжество и, больше того, весь Мидгард. Предо мной встала крайне сложная дилемма: либо попытаться выплатить долг крови, что скорее всего приведет меня к гибели от рук богов, а неоплаченный долг, в свою очередь, ляжет на моего брата; либо погибнуть каким-либо другим способом, что сотрет мой долг крови и тогда мне сможет наследовать брат; либо... оставить все как есть, и тогда миру на Мидгарде, постепенно, но неминуемо, придет конец.

Успех первого варианта, и это было заведомо ясно, невозможен; второй был пожалуй лучшим, но уж очень не хотелось умирать; а третий вариант всего лишь обещал дать дополнительное время на поиски более приемлемых вариантов. Его я и выбрал. Я бежал в Сандаан, где провел почти три года, пока ты и Радж не предоставили мне повод вернуться.

Так закончил свой рассказ Сильвестр и на какой-то период в его покоях воцарилось молчание. Будучи так близко к человеку, оказавшемуся одним из вершителей судеб ми-

ра, Адалинда попросту растерялась и не могла ничего сказать, словно опасаясь, как бы какое-то ненароком оброненное слово, пусть даже в утешение, не стало в свою очередь судьбоносным.

– Сожалею брат, – нарушил тишину, вошедший никем не замеченным, слышавший всю историю и заметивший растерянность девушки, Себастьян, – но и мне нечем тебя утешить, ибо все это печальная правда. Боги, занятые собственным кризисом на Краеугольном архипелаге, совсем отвернулись от смертных и не отвечают на их молитвы; авторитет Талара, после гибели отца и твоего исчезновения с неоплаченным долгом крови, пал; семь королей отказываются признавать регентство и, так как у меня, как младшего сына, нет права наследовать отцу при жизни старшего, заявляют свои права на трон Талара и ссорятся между собой. – Он подошел к окну и, посмотрев на город, устремил взгляд вдаль, за его стены. – Талар в упадке, – вздохнув, продолжил говорить Себастьян. – Недоверие и вражда поселились в Мидгарде и ни одно из его королевств другому больше не союзник. Рибхукшаны Селенвуда жалуются на наращивающую военную мощь Титанию, Маринополис не может справиться с организованной преступностью в своей столице, послы Халдора тревожатся отсутствием вестей с родины и грешат на Маунгат, а те в свою очередь имеют претензии к сикомэ Ургуро, которые гонят великанов со своих гор в земли гномов. Королевства увеличивают количество патрулей и стра-

жи, закрывают многие дороги на своих границах, ужесточают досмотр караванов и больше не заключают разбойников под стражу, а сразу казнят, как по законам военного времени. Кажется, будто напряжение, повисшее в воздухе, вот-вот разразится чем-то ужасным и, кто знает, возможно после многих сотен лет мира, в Мидгарде разразится новый период войн.

– Именно так, – горько подтвердил Сильвестр. Казалось, будто брат озвучил его собственные тревожные мысли и опасения, испытанные им на пути в Талар. – Поэтому я и вернулся. Как видишь, отсрочка не пропала даром и я нашел четвертый вариант решения своей дилеммы.

– И если тебе удастся привести его в исполнение, мы сможем избежать множества неприятностей. Скажу честно, бремя власти, почти полностью взятое на себя Бенедиктом, тем не менее, давит и на мои плечи. Меня не готовили к такой ответственности, а после твоего исчезновения я и думать боялся о том, что мне предстоит стать владыкой Талара и миротворцем Мидгарда. Была бы моя власть законной или нет, я стал бы слабым правителем и не смог бы вернуть нашему княжеству его былой авторитет и славу. Поэтому я надеюсь на тебя, Силва. Наследие нашего отца и судьба Мидгарда в твоих руках.

– И я не подведу, – пообещал растроганный Сильвестр, обнимая брата и крепко пожимая ему руку. – А теперь к делу. Первое с чем нужно будет разобраться по возвращении

титула, это кризис Краеугольного архипелага, – он на мгновение задумался, а затем обратился к брату, – поэтому я хочу, чтобы ты, Себастьян, отправил кого-нибудь на острова узнать, по какой причине не завершается кризис, казавшийся исчерпанным с открытием невозможности обработки ртутного серебра смертными. Это опасная задача и поручить ее нужно кому-то проверенному и достойному.

– У меня есть такой на примете, – сказал Себастьян. – Сейчас-же распоряжусь.

– Еще кое-что, Себастьян, – остановил брата Сильвестр. – Я прошу тебя предоставить Адалинде неограниченный доступ к библиотеке и всем нашим летописям и архивам, для поиска информации об отцовском мече, а также поспособствовать ей в этом.

– Разумеется, – согласился тот. – Чтонибудь еще?

– Пока нет, Себастьян. Спасибо.

Себастьян вышел, а Сильвестр с Адалиндой остались одни.

– Ада, – обратился к девушке молодой княжич, – я понимаю, что тебя больше ничего не держит в Таларе и все-же прошу дождаться моего возвращения. Этот меч... Не думаю, что он очень важен, просто я не нашел лучшего предлога сказать, как я хочу чтобы ты осталась. – Сказав это он заметно смутился и, чтобы скрыть смущение, тут же продолжил тему, только что признанную им не важной. – Он появился у моего отца незадолго до нашей поездки на Краеугольные

острова. Около пятидесяти дюймов длиной, с тяжелой рукоятью из обсидиана и прямым легким лезвием с резьбой, выполненным из настолько чистого металла, что бликует казалось бы даже в полной темноте.

Но девушка, услышав первую часть слов Сильвестра, уже приблизилась к нему, в смущении продолжавшему описывать меч, и вложила свои ладони в его.

– Притворюсь, будто всецело занята твоим поручением, – мило улыбнувшись, согласилась она остаться.

Сильвестр обнял Адалинду, и ее волосы вспыхнули оранжевым, а глаза синим, пламенем, заливая теплом и светом все помещение, однако, ослепленная счастьем пара, даже не заметила этого.

До самого своего отъезда из Талара Сильвестр не расстался с Адалиндой, все приготовления к путешествию делая вместе с ней, и чем ближе становился час разлуки, тем меньше хотелось ему уезжать. Но назначенный для отъезда день настал. Сильвестр, в дорожном костюме с развивающимся за спиной теплым плащом и длинным мечом на поясе, под уздцы вывел могучего коня в полном походном снаряжении через восточные ворота Талара.

Он планировал через Маунгатское государство добраться до крайнего восточного королевства Халдор, а от туда, по дорогам большого торгового кольца, двинуться на запад и, миновав маленькое королевство сикомэ в горах Ургуро, выйти к огромной Титании, занимавшей все западное побе-

режье Мидгарда. Затем ему оставалось бы посетить только принадлежавшие рибхукшанам леса Селенвуда на юге материка и через Маринополис и Дусданд вернуться в Талар.

Будучи наследником Талара, Сильвестр был хорошо обучен фехтованию, знал несколько полезных заклинаний и умел определять воздействие ядов и чар, а будучи учеником алхимика Сандаана, умел готовить зелья на любые случаи жизни. Он как никто был подготовлен к подобному путешествию, но даже ему оно сулило много сложностей на пути. Мидгард большой и опасный материк. Кто знает, какие страшные существа повывлезли из своих нор, не боясь больше оставивших эти места богов, и на какие гнусности способны его народы в эти смутные времена.

Как раз об этом и напомнил, напоследок, своему брату Себастьян:

– Наследник Талара должен созвать совет королей лично, но я все же разошлю гонцов с вестью о твоём намерении и просьбой всячески содействовать тебе в пути. Уверен, большая часть населения Мидгарда будет рада твоему возвращению и поддержит твои начинания, однако, будь осторожен, твоё смерть тоже многих устроит. В некоторых королевствах посчитали единственным выходом из сложившейся ситуации, назначить награду за твою голову. Это неофициальная награда. Она назначена не королями, а частными лицами, которые таким образом хотят возратить спокойствие Мидгарду. Но от этого только хуже, ведь охотники за голова-

ми в погоне за наградой не примут в расчет даже новых обстоятельств, связанных с созывом совета семи королей. Будь предельно осторожен!

Сильвестр кивнул. Он тепло распрощался с братом, Адалиндой, Раджем и всеми теми из жителей Талара, кто вышел проводить наследника и верил в него.

– Первым днем зимы все семь королей Мидгарда будут здесь, – уверенно пообещал Сильвестр, садясь в седло.

Он пришпорил могучего скакуна и помчался на восток. Быстро удаляющийся конь со своим всадником еще долго виднелись вдаль на равнине Талара, и Адалинда оставалась у ворот до тех самых пор, пока они вовсе не скрылись из виду. Но не только служительница Исида до последнего наблюдала за удаляющимся Сильвестром: на обзорной площадке Белой башни было еще двое.

– Мне нужно чтобы семь королей в полном составе прибыли в Талар, – твердо сказал Бенедикт Тит, глядя на исчезающего вдали всадника. – Отправляйся вслед за Сильвестром и проследи, чтобы никто не причинил ему вреда, до тех пор, пока он не созовет всех.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – отозвался Хейнрик и, поклонившись регенту Талара, двинулся к ведущей вниз лестнице.

– А когда будете в Титании, – добавил Бенедикт, на миг заставив того остановиться, – убедите своего короля принять зов на совет. Иначе он нам все испортит.

Глава VI

На землях Талара Сильвестр чувствовал себя спокойно и уверенно, а вот когда он пересек границу с королевством Маунгат, настало время задуматься об осторожности. В сущности, это было мирное королевство с десятком живописных сел и деревень, двумя крупными городами Воат и Угвур, и красивой, почти нетронутой природой, при этом будучи весьма богатым на ресурсы, за счет разработки арендуемых у соседнего королевства Халдор горных месторождений. Поводом для беспокойства являлось то, что королевство это было гномье, а потомки древних титанов не могут себе представить жизнь без борьбы. Впрочем, в отличие от своих северных сородичей, ведущих непрекращающиеся клановые войны у себя в Ньёрдлунде, Маунгатские гномы и таны вели борьбу политическую, ведь Маунгат – единственное в Мидгарде королевство, где королями становились не по праву наследия, а путем избрания жителями страны на всеобщем голосовании, и титул получали не пожизненно, а лишь на десять лет.

Подсчитав время прошедшее с последних выборов местного короля, Сильвестр убедился в правильности своих опасениях: новые выборы должны состояться зимой этого года, а значит, предвыборные дразги между двумя самыми влиятельными семействами гномов Маунгата вот-вот начнутся.

Как это обычно здесь и бывало, за полгода до решающего голосования, семьи Ауриггов из Воата и Агрунгов из Угвур, разделят королевство на два лагеря во всем, просто из духа противоречия, враждебных друг другу. Если остальные королевства в этот период не будут влезать в дела Маунгата и не станут ставить перед ним каких-то серьезных вопросов, то все выльется в мелкие стычки на рынках и драки в тавернах, но если это все же случится, никто не сможет предугадать, чем все закончится. Даже возможность междуусобной войны, в такой ситуации, никто бы не исключил. А само возвращение наследника Талара в Мидгард уже представляло собой самый что ни на есть серьезный вопрос, и впутывать в его решение Маунгат могло оказаться небезопасной затеей как для Сильвестра, так и для будущего королевства гномов.

Въезжать в город Воат, где находился нынешний король Маунгата из семейства Ауриггов, затемно, не имея ясного представления о положении дел в королевстве, казалось Сильвестру не благоразумным. Поэтому он остановился в одном из придорожных трактиров неподалеку от города, дабы переждать до утра и, заодно, прислушаться к разговорам других посетителей.

Здесь присутствовали не только маунгатские гномы из города и окрестных деревень, но и торговцы из соседних королевств Халдора, Дусданда и, судя по своеобразному говору, даже несколько путников из Талара. Все они путешествовали по разным делам, остановились здесь по разным причи-

нам и говорили на разные темы. Говорили о великанах, гонимых ургурскими сикомэ со своих гор и вынужденных спуститься в Маунгат, где весьма досаждали жителям окрестностей Угвура; говорили о том, что из-за осмелевших волков лучше не приближаться к границам с Халдором; о том как прекрасна королева рибхукшан Селенвуда, о возвращении старшего княжича Таларского, о кризисе королевской власти в Маринополисе, говорили обо всем на свете, но о внутренних беспорядках, интригах, заговорах и прочих неприятностях в Маунгате, обычно сопровождавших предстоящие выборы, ничего пока слышно не было. Однако, обманывать себя иллюзиями легкого исхода своего предприятия Сильвестр не спешил, ведь именно его появление могло спровоцировать в королевстве гномов многие беды, но хотя бы начать решение его вопроса должно было в спокойной обстановке.

Без каких-либо препятствий и затруднений въехал Сильвестр на следующее утро в гномий город Воат, расположенный на западном склоне покатой горы Мау и застроенный ровными рядами живописных домов с маленькими дверями и низкими окнами. Городская ратуша, один из здешних постоянных дворов и смотровые башни по периметру городских стен были здесь самыми высокими зданиями, но даже они не насчитывали более четырех этажей, так что ничто не заслоняло находившийся в восточной части города, на самой вершине горы, роскошный особняк Аурингов – родовое

гнездо древнейшей фамилии Воата и резиденцию нынешнего короля Маунгата.

Получить аудиенцию у Аурина не составило для Сильвестра особого труда: имя князей Таларских, несмотря на упадок авторитета, все еще способно было запросто открывать перед его носителем большинство дверей, доступ за которые для другого был бы весьма затруднителен. Однако, как и ожидалось, простым и непринужденным оказалось лишь начало беседы высокородных особ, когда же Сильвестр изложил суть приведшего его в Маунгат дела, возникло напряжение.

Король Маунгата, патриарх рода Ауринов и едва ли не самый старый гном в стране, быстро осознал, чем грозит его королевству намерение Сильвестра созвать совет Мидгарда: сразу два сложных вопроса «откликнуться ли на зов?» и «поддержать ли наследника Талара?», в ответ на которые невозможен компромисс, неизбежно должны были разделить народ Маунгата на два враждебных друг другу лагеря. И, как на зло, все это в преддверие королевских выборов.

– Быть королем в нашей стране, значит быть скорее победителем в своеобразном соревновании, нежели повелителем государства, и этот титул у нас налагает больше обязанностей, чем дает власти, – произнес благообразный и весьма ветхий король Маунгата в ответ на просьбу Сильвестра явиться на совет семи королей Мидгарда и снять с него долг крови. – Я всего только голос нашего народа, а все реше-

ния принимает он сам путем всеобщего голосования или советом избранных им представителей. Все это занимает уйму времени, порождает множество ссор и разногласии и сеет между нами раздор. Не благоразумно и даже опрометчиво с твоей стороны, Сильвестр, обращаться с такой просьбой к Маунгату. Тем более сейчас, ведь мы оба понимаем, чем это чревато.

– Я весьма сожалею, ваше величество, и поверьте, будь у меня возможность отложить этот совет на более поздний срок, я бы сделал это, – учтиво отвечивал Сильвестр, – но Талар в упадке, и как бы мы ни старались поддерживать порядок в отдельных королевствах, вместе с ним в упадок придет весь Мидгард. Лишь укрепив город-миротворец, мы можем надеяться на восстановление пусть шаткого, но равновесия на материке. Кроме того, сейчас мне важно лишь ваше согласие явиться в Талар, а убедить вас поддержать меня в столь серьезном вопросе как отмена долга крови, я постараюсь непосредственно на совете, так что этот вопрос не должен повредить вашему королевству, государь.

– Ты не понял Сильвестр, – усмехнулся старый король, – мне придется провести голосование по тому вопросу, который ты надеешься решить в совете семи королей, и мои уста там, лишь провозгласят то, что мой народ решит уже здесь.

Наследник Талара всерьез и надолго задумался: задержка, и должно быть длительная, его явно не устраивала.

– Что ж, ваше величество, – наконец проговорил он, –

в таком случае проведите голосование, как того велит ваш порядок. Однако, мне важно также ваше личное отношение к данному вопросу. Я был бы гораздо более спокоен если бы знал, что действующий государь Маунгата поддерживает меня, ведь тогда, вероятно и большая часть руководимой им страны окажется на моей стороне.

– Ха-ха-х-кх-х, – снова засмеялся старик и закашлялся в густую бороду. – Меня забавляет твоя наивность в политических реалиях нашей страны Сильвестр, впрочем как и твоего отца, и мне всегда в вас это нравилось. Но ты, опять же, должен понимать, что если мое мнение и мнение представителя Агрунгов разделятся, – а они разделятся, уж ты мне поверь, – мнение народа в свои черед разделится надвое и тогда, даже один единственный голос может оказаться решающим.

Эти слова в конец разочаровали Сильвестра, однако король еще не закончил.

– И все же я согласен и поддержку тебя, – решил Ауринг. – Мне очень не хочется покинуть свое королевство накануне очередных выборов, чему изрядно порадуется мой конкурент, однако, мой долг как нынешнего короля заботиться об интересах государства прежде, чем о собственных, а ты, Сильвестр, прав: лишь восстановление твоих прав на трон Талара вернет в Мидгард былую размеренность и спокойствие, так нужные Маунгату.

Сильвестр был очень признателен благородному королю

Аурингу и, оставшись в особняке на ужин, поведал ему о дальнейших своих планах. Король подтвердил слова Себастьяна о том, что из соседнего королевства Халдор уже пару месяцев не поступает никаких известий, а узнав, что Сильвестр будет возвращаться через Угвур, сказал:

– Пожалуй, утром я отправлю в Угвур к Агрунгам курьера с просьбой хотя бы по вопросу совета семи королей и твоего престолонаследия согласиться со мной. Учитывая то, что их согласие и этот совет позволят Агрунгам на какое-то время выпроводить меня из страны и дадут им преимущество в подготовке к выборам, дайте боги, на сей раз они проявят благоразумие. Но, на твоём месте, я бы не слишком на это рассчитывал. В любом случае, мой курьер дожждется тебя в Угвуре и сообщит об их решении, а я, чтобы не терять времени, завтра же начну приготовления к голосованию.

Сильвестр еще раз поблагодарил доброго короля Ауринага за ответ и гостеприимство, а наутро, тепло с ним распрощавшись, отправился дальше на восток, в морозные горы Халдора.

Покидая город он не знал, что следом за ним в Воат приехал Хейнрик. Могучий альбинос, подкупив кого-то из слуг короля, разузнал о давешнем разговоре его величества с наследником Талара и, после непродолжительных раздумий, пустил своего коня на северо-запад в Угвур, обогнав по пути королевского посыльного.

Глава VII

Пока Сильвестр двигался в направлении следующего в его списке королевства – Халдор, далеко позади, в Таларе, Адалинда занималась поисками информации о загадочном мече, выдержавшем пламя божественного гнева. Служительница Исиды провела в библиотеке Белой башни уже достаточно много времени, перерыла гору книг и свитков об оружии, кузнечном и ратном деле, истории войн и одним богам известно о чем еще, но не нашла ничего даже близко похожего на описанный Сильвестром клинок. Маленькие скрюченные гоблины со светящимися в темноте, как у кошек, глазами, работавшие в библиотеке Талара, продолжали подносить ей все новые и новые тома, однако Адалинда уже отчаялась найти что-нибудь намеренно и продолжала листать страницы надеясь лишь на счастливый случай.

– Надо полагать, вы ищете что-то конкретное, сестра? – раздался в абсолютной тишине, если не считать тихо копошащихся в темноте гоблинов и шелеста переворачиваемых Адалиндой страниц, голос с уже знакомыми ей холодными нотками.

На миг погрузившаяся в чтение какой-то, оказавшейся весьма занимательной, истории, девушка от неожиданности вздрогнула, подняла голову и увидела рядом с собою регента Талара – Бенедикта Тита. Он повел в воздухе рукой и во-

круг девушки, до этого читавшей лишь при тусклом свете одной единственной свечи и своих сияющих волос, загорелись тысячи свечей в десятках люстр и сотнях подсвечников. Напуганные непривычным обилием света, гоблины, шурша и недовольно шепчась, поторопились скрыться в более темных уголках огромной библиотеки, оставляя Адалинду наедине с регентом. Она не успела хорошенько рассмотреть его тогда, в тронном зале, а после – не сталкивалась с ним. Сейчас же она отметила, что лысый череп, высокий морщинистый лоб, четкая линия густых бровей, глубоко посаженные умные глаза, тонкие губы и длинная тонкая шея – придавали этому человеку несколько противоречивый образ мудрой и волевой, но в тоже время скрытной и внушающей опасения персоны. К тому же, сам Сильвестр очевидно не симпатизировал бывшему архивариусу. Но оставить вопрос без ответа было бы, по меньшей мере, невежливо. И девушка сказала правду:

– Да, ваше превосходительство, я ищу информацию о церемониальном мече, с которым лорд Максимилиан отправился на Краеугольный архипелаг.

– Вот оно что?! – произнес регент неопределенным тоном. – Что ж, в таком случае я вас разочарую: в библиотеке нет ни строчки об этом оружии. Я сам занимался подобными поисками несколько лет назад, когда нашел в старейшей и давно заброшенной секции нашего реликвария этот меч, завернутый в чрезвычайно ветхую тряпицу с непонятными

рисунками и символами.

Адалинда молчала. Она не знала можно ли верить регенту или же он таким образом пытается отвести ее от порученных ей Сильвестром поисков. Но следующие слова Бенедикта, как бы невзначай брошенные им напоследок, ошарашили и озадачили ее еще больше.

– Единственное, что могу сказать по поводу этого меча, – произнес регент уже поворачиваясь в сторону выхода из библиотеки, – так это то, что случайно прикоснувшись к его лезвию, я на некоторое время потерял сознание. – И даже не обернувшись посмотреть какой эффект оказали на девушку его слова, добавил: – Странно, не правда ли?

В довершение всего, уходя, он шелкнул пальцами и весь свет, кроме свечи Адалинды и ее, впрочем тоже потускневших, волос, погас, оставляя девушку в сумраке обрушившихся на нее мрачных мыслей.

В то же время, Сильвестр, пересекая границу Маунгата и Халдора, догнал почтовый дилижанс, на котором он со спутниками приехал в Талар, и решил снова присоединиться к нему, благо их маршруты, до поры, совпадали. Из прежних пассажиров в дилижансе находился только воин в доспехах с изображением неизвестного Сильвестру герба, не показавший виду что узнал его. Зато новые пассажиры, из Талара и Маунгата, очевидно были рады тому, что сопро-

вождать дилижанс будет еще один человек при оружии, да еще верхом. И не зря, ведь стоило им оказаться на землях Халдора как стало ясно: в королевстве что-то не так.

Халдор казался заброшенным. Самые плодородные луга у подножий местных гор выглядели запущенными; деревни, мимо которых проезжал дилижанс, оказывались безлюдными; дороги и поля в глубине страны были припорошены легким слоем снега с ближайших горных вершин и не имели на себе никаких отпечатков, словно человеческие ноги и колеса повозок давно не попирали эти земли. Все выглядело так, будто все живое, кроме стай волков, осмелевших настолько, что бродили прямо по дорогам и даже заходили в деревенские дома, и птиц, без опаски клевавших злаковые в полях, здесь вымерло или в одночасье исчезло.

Безлюдье и тишина оказывали свое гнетущее воздействие на пассажиров дилижанса и, когда тот добрался до стен замка Эджхолд, встретившего путников таким же мрачным ощущением безжизненности, как и все вокруг, и наглухо закрытыми воротами, оставаться здесь на ночь ни у кого не было желания. Но и пускаться в обратный путь по оледеневшим горным дорогам в полной волков кромешной тьме тоже было затеей рискованной, так что путники решили развести пару костров и заночевать на конюшнях близ стен замка.

Сильвестр пребывал в полном отчаянии: к началу зимы ему нужно было собрать в Таларе всех королей Мидгарда, но, мало того, что ситуация с королем Маунгата до сих пор

оставалась неоднозначной, так теперь еще и в Халдоре нет ни самого короля, ни кого бы то ни было, чтобы расспросить о том, что, собственно, в этом королевстве произошло. Таки-ми проблемами был он озадачен, прогуливаясь возле ворот и стен Эджхолда, пока другие пассажиры дилижанса готовили на огне скромный ужин. С досады он ударил запертые ворота замка и стоило ему лишь коснуться их, как скрипнула и повернулась на петлях прорубленная во воротах маленькая дверца для стражи. Из-за нее никто не показался, но открытый проем словно манил внутрь и Сильвестр поддался зову.

Оказавшись во внутреннем дворе замка, украшенном сотнями статуй мрачных горгулий, Сильвестр отметил все тоже отсутствие людей, тишину и, заставивший его плотнее закутаться в плащ, пробирающий до костей холод, создаваемый гулявшим и завывавшим по всему замку сквозняком. На длинных дубовых столах в помещениях замка стояли покрытые инеем продукты и замерзшее вино в наполненных до краев бокалах. Сильвестру сделалось не по себе, когда он представил, как мирно трапезничающие, ничего не подозревающие люди вдруг отчего-то исчезают. В масштабах целой страны. В одно мгновение.

Наконец, Сильвестр добрался до тронного зала Эджхолда. Здесь его встретила та же угнетающая картина, разве что в дальнем конце погруженной во мрак залы, на покрытом льдом и снегом каменном троне, недвижно восседал, расправив в стороны большие белоснежные крыла, тот кого он ис-

кал – король-ангел Халдора, имя которого непроизносимо ни для одного из языков других народов. Как и трон, на котором он сидел, ангел был покрыт слоем снега и льда. Он был чрезвычайно бледен и не казался живым, но...

– Я ждал тебя, Сильвестр Таларский! – произнес он, разнесшимся по всей зале громоподобным голосом, когда тот подошел ближе.

И следом за этими словами, в зале послышался звон льдинок, падающих на каменный пол с крыл быстро набирающего румяность и живость ангела. Он взмахнул крылами, стряхивая с себя остатки льда и снега, и, в то же время, единым порывом зажигая все каминные в стенах, люстры на потолках и канделябры на столах, преображающие помещение и наполняя его красками так же быстро, как преобразился сам правитель Халдора. Сильвестр наблюдал за всем этим с поразительным хладнокровием. Он знал, что в Халдоре, – богатом и мирном королевстве, не жаждущем перемен и преобразований, ибо жители его больше всего ценили непоколебимую стабильность во всем, – правит ангел – представитель народа чересчур равнодушного, чересчур рассудительного, чересчур безразличного, что от него никогда не стоило ожидать чего-то непредсказуемого, ибо даже зная будущее наперед, благодаря своему дару предвидения, они всегда продолжают «плыть по течению». Таким образом, ангел Халдора казался идеальным для этого королевства государем, однако то, что Сильвестр успел здесь увидеть, красноречиво свиде-

тельствовало об обратном.

– Что здесь произошло? – зная, что к требованиям этикета ангелы также безразличны, как и ко всему остальному, и потому опустив приветствие, поинтересовался Сильвестр.

– Я понял, что Мидгарду конец, когда твой отец отправился советником на Краеугольный архипелаг, взяв с собой церемониальный меч, – отвечал ангел по прежнему громким и чистым, но лишенным чувств и эмоций голосом. – И я защитил своих подданных. Их забрали в свой облачный город мои собратья. Жители Халдора живы, здоровы и находятся в безопасности. Больше безопасности, нежели жители остальных королевств Мидгарда.

Сильвестр был весьма озадачен: ответ ангела затрагивал важные для него темы и порождал слишком много новых вопросов. Но он понимал, что беседа будет не из душевных: ангелы в разговоре напоминали големов – изобретения танов, бесчувственные и бездушные машины, зачарованные отвечать лишь на правильно сформулированные вопросы в рамках заранее вложенных в них знаний.

– Что ты знаешь об этом мече? И о каком «конце Мидгарда» ты говоришь? – начал Сильвестр, пожалуй, с самых важных вопросов.

– Клинок был выкован одним из первых народов по просьбе самого Кроноса сразу после окончания Великой Вражды. Он был задуман как церемониальный меч для ритуала, который так никогда и не был проведен. Меч был погребен где-то

в Таларе и навсегда забыт, а три года назад извлечен из небытия истории, и теперь, грозит гибелью всему Мидгарду и населяющим его народам.

– Почему же ты отправил свой народ в облачный город только теперь, спустя целых три года?

– Потому что ты вернулся на материк, – как обычно, бесцветным тоном, ответил ангел. – Теперь все придет в движение.

– Но ведь вы, – ангелы, – никогда не оказываете влияния на будущее, – заметил Сильвестр.

– Мы не меняем лишь того, что может изменить цепь ключевых, необходимых к свершению событий. Уход халдорцев никак не повлияет на грядущее, и потому я решил поступить так, как поступил.

– Но как погибнет Мидгард? – продолжал свои вопросы Сильвестр. – Из-за чего это произойдет?

– Прямой ответ на этот вопрос повлияет на цепь событий, поэтому я вынужден оставить его без ответа. Я не могу сказать тебе как погибнет Мидгард или как на это повлияет меч, – в сущности он уже сыграл свою роль, – но скажу, что вижу Мидгард лишь до середины зимы. У него нет будущего.

– Тогда почему ты все еще здесь? – задал очередной вопрос Сильвестр. – Почему ты остался?

– Потому, что я один из семи, – просто ответил ангел. – Я тебе нужен.

– Но поддержишь ли ты меня?

– Разве ты еще не понял, Сильвестр? Это уже не будет иметь значения.

Сильвестр вернулся в конюшни под стенами Эджхолда, но до конца ночи так и не сомкнул глаз, размышляя над тем, что сказал ему правитель Халдора. Протяжный вой волков, завывание холодного ветра и тревожная мысль о том, что вероятно поручение данное им Адалинде может оказаться небезопасным, не давали ему заснуть. Теперь меч не казался ему таким уж неважным.

Глава VIII

На утро дилижанс двинулся в обратный путь – в Маунгат, – но не по той дороге, что привела их из Воата, а по той, что соединяла Эджхолд с Угвуром. Как и было оговорено с королем Аурингом, его курьер ждал Сильвестра в таверне у восточных ворот этого города и сообщил ему неожиданное и приятное известие: Агрунги, к всеобщему удивлению, поддержали решение правителя Маунгата по вопросам совета семи королей и долга крови наследника Талара.

А дело было вот в чем: незадолго до приезда королевского курьера в фамильный особняк Агрунгов, там уже побывал Хейнрик.

– Не буду ходить вокруг да около, – быстро добившись аудиенции у главы семейства Агрунгов, сразу перешел к делу посланец регента Талара, – скажу прямо: скоро сюда придет курьер его величества короля Ауринга с просьбой поддержать его решение в вопросе об отмене возложенного на Сильвестра Таларского долга крови. Так вот я хочу, чтобы вы ответили согласием.

– Исключено, – категорично ответил глава Агрунгов, ни на минуту не задумавшись.

Хейнрик ухмыльнулся. Такая реакция была более чем предсказуема и ответ он подготовил заранее.

– Вы уверены? – с оттенком дерзости уточнил Хейнрик. –

Отсутствие действующего правителя Маунгата в преддверии королевских выборов было бы вам только на руку. К тому же, – теперь в его голосе можно было заметить жестокие нотки, – позволю себе усомниться в том, что старик вообще вернется. Так готовы ли вы променять реальный шанс заполучить корону, на сомнительное удовольствие в очередной раз, просто из духа противоречия и в ущерб собственным интересам, стать оппонентом короля? – Он снова ухмыльнулся. – Не думаю. Поэтому я спрошу еще раз: «поддержите ли вы решение Аурина?»», но теперь, – с чувством превосходства над собеседником добавил он, – прежде чем ответить, хорошенько подумайте о том, дух каких перемен витает в воздухе над Мидгардом, осведомитесь у капитана вашей разведки с кем, собственно, изволите разговаривать и стоит ли отнестись к моим словам со всем вниманием.

Глава семейства Агрунгов, – второе после действующего короля лицо в Маунгате, – был поражен вызывающим поведением Хейнрика и испытывал огромное желание поставить наглеца на место. Но, так как начальник разведки действительно находился сейчас в его свите, на всякий случай, позвал того к себе и тихо спросил:

– Кто этот человек и как он смеет разговаривать со мной в таком тоне?

– Это Хейнрик Эван, ваша светлость, – наклонившись к Агрунгу, также шепотом, ответил капитан разведки. – Он не человек. Его раса зовется индиго и...

– Мне известно кто такие индиго, – нетерпеливо прервал его Агрунг, жестом призывая говорить короче и по существу.

Капитан виновато поклонился и продолжил:

– Так же он является наиболее влиятельным из генералов армии Титании и, в последнее время, правой рукой регента Талара. Ходят слухи о тайном союзе между Бенедиктом Титом и его величеством Редвальдом, правителем Титании. Если позволите выразить мое личное мнение, ваша светлость, то сейчас нам не стоит иметь такого врага как он и, тем более, как те люди, которым он служит. Лучше согласиться с ним, отпустить его величество Ауринага в Талари, в его отсутствие, сосредоточиться на предстоящих королевских выборах. А когда вы, наконец, станете правителем Маунгата, облеченным всею полнотой власти, мы подумаем, что можно сделать с последствиями предпринятого нами теперь шага. Какими бы они ни были.

И глава Агрунгов, скрипя сердце, согласился.

Таким образом, Сильвестр покидал Уггур добившись своих целей: короли Маунгата и Халдора будут присутствовать на совете. Теперь его путь лежал на запад – в горы Ургуро. Дилижансу было бы рискованно двигаться через узкие и извилистые горные тропы народа сикомэ, поэтому на границе Маунгата и Ургуро его пути с наследником Талара разошлись: дилижанс через окраинные территории Талара напра-

вился в Титанию, а Сильвестр углубился в изрытые пещерами горные хребты Ургуро.

Впрочем, Сильвестр не остался один. Неразговорчивый и нелюдимый воин неожиданно вызвался какое-то время сопровождать его, сказав, что где-то в этих горах находится храм ордена, членом которого он состоит. К удивлению Сильвестра, этот воин, назвавшийся Годфридом, оказался не столь уж неразговорчивым, как ему все время казалось.

– Мы – орден хранителей храма бога-человека, – рассказывал он, по пути, Сильвестру о своем ордене. – Мы считаем, что тело человека есть священный храм, в котором живет истинный бог – его дух; а не те бессмертные существа из чистой энергии, собравшиеся сейчас на Краеугольном архипелаге. И мы защищаем сей храм от всяческой скверны, будь то одержимость демоном или злыми чарами, колдовство вуду, проклятье ликантропии или порфирия венценосных, более известная как вампиризм.

Перечисляя все эти виды скверны, Годфрид как-то уж слишком пристально следил за Сильвестром, будто надеялся заметить какую-то его реакцию или изменение в поведении, но тот оставался самим собой и, ведя под уздцы своего коня, спокойно продолжал идти по извилистой горной тропе. Тогда Годфрид напомнил Сильвестру о событии случившемся в дилижансе на границе Маринополиса и Дусданда и об эпизоде с сорвавшимся с часовни колоколом.

– Случалось ли с вами нечто подобное раньше? – спросил

следом за этим напоминанием Годфрид. – И что вы тогда чувствовали?

Сильвестр остановился. Он вдруг начал понимать к чему клонит его спутник, но было уже поздно. Годфрид по своему расценил его остановку и, прежде чем Сильвестр открыл рот, чтобы уверить храмовника в том, что ничем таким он не одержим, со словами: «Простите, княже, но это для вашего же блага», – бросил в лицо Сильвестру щепотку какого-то порошка, в одно мгновение погрузившего его в забытие.

Очнулся Сильвестр будучи прикованным к каменной плите в круглом темном помещении. По каждую из четырех сторон плиты стоял человек в длиннополой рясе с глубоким капюшоном, полностью скрывавшим лицо своего носителя, и свечой в руках, а чуть дальше, у самых стен помещения, тонули в темноте над чашами для курения благовоний, четверо рыцарей в полном боевом снаряжении.

Заметив, что Сильвестр пришел в себя, четверо храмовников в рясах одновременно развернулись и передали свечи четверем рыцарям, подпалившим ими какие-то ароматные травы и осветившим ими жесткие черты своих угрюмых лиц. Затем, так же одновременно вернувшись на свои места, храмовники воздели над наследником Талара руки и принялись, нараспев, читать какие-то заклинания. Яркие искры срывались с их пальцев, освещая голые стены комнаты, и складывались над телом пленника в огненную пентаграмму.

Должно быть все это являлось каким-то ритуалом экзор-

цизма, но Сильвестр не считал себя одержимым и пытался сказать об этом храмовникам, однако не смог. Видимо порошок все еще продолжал действовать, а огненная пентаграмма, тем временем, сформировавшись полностью, впи-лась в грудь Сильвестра сильно напрягшуюся от резкой боли, и он увидел перед собою яркий свет, затем отчетливо стала вырисовываться чистая белая комната, странная мебель, склонившийся над ним человек в белом одеянии и послышалось одно единственное слово – «Фауст».

Видение длилось лишь мгновение, потом Сильвестр вновь очнулся. Он все еще не мог говорить, но зато отлично видел замешательство на лицах откинувших капюшоны храмовников. Они отошли к двери и о чем-то тихо совещались. Наконец, один из них вернулся к столу и расстегнул ремни вокруг запястий и щиколоток Сильвестра, а два рыцаря, поддерживая его, еще не способного передвигаться самостоятельно, под руки, отвели в одну из келий храма.

Спустя несколько часов, полностью оправившийся от действия порошка Сильвестр, к своему удивлению обнаруживший, что дверь кельи не заперта, спустился в помещение ниже, где его уже ждал ходивший из стороны в сторону Годфрид и спокойно сидевший в глубоком кресле седовласый старик, оказавшийся грандмастером ордена. Увидев Сильвестра, Годфрид поспешил принести ему свои извинения по поводу одурманивания и похищения, объясняя их подозрением в одержимости, на что княжич Таларский довольно резко

ответил:

– Вы даже не дали мне возможности убедить вас в обратном. Я не одержим.

– О нет, Сильвестр, ты одержим – вмешался грандмастер, ошарашив такой вестью наследника Талара и, в ответ на застывшее в его глазах безмолвное требование объясниться, продолжил. – Но это не демон и, кажется, вообще ничто из того, что нам известно. Это сущность не из нашего мира, она не агрессивна, не паразит и, кажется, не стремится вредить ни тебе, ни посредством тебя, но, тем не менее, она чужда всему, что есть в нашем мире. Ее не должно здесь быть.

– Вы уверены? – растеряно спросил Сильвестр, все еще не до конца веря в факт своей одержимости. Но вспоминая события произошедшие с ним перед отъездом из Сандаана, был вынужден принять это. – И что же мне делать?

– Я не знаю, – коротко ответил грандмастер ордена, задумчиво почесывая подбородок. Но Сильвестр продолжал бурлить его вопросительным взглядом и тот пояснил: – В отличие от одержимости бесом или каким-либо заклятием, когда одержимый становится безвольной марионеткой одержавшего, но и тот и другой остаются в какой-то мере отчужденными друг от друга единицами, то в твоем случае, вы одно целое. Сущность, овладевшая тобой, подменила тебя настолько полно, что считает себя тобою и на данный момент ты – это не ты.

Сильвестр посмотрел на грандмастера, как на юродивого,

но тот лишь снисходительно ухмыльнулся и продолжил.

– Тебе может казаться, будто в тебе ничего не изменилось, но когда-то, возможно недавно, с тобой произошло нечто необъяснимое: болезнь, странные видения, провал в памяти; и поверь, с тех пор ты больше не Сильвестр, княжич Таларский, а нечто, нам неведомое, из иного мира, считающее себя им.

– Так что мне делать? – повторил свой вопрос Сильвестр.

– Я не знаю, – повторил в свой черед грандмастер. – С настолько тесной одержимостью мы сталкиваемся впервые и обряд экзорцизма в данном случае приведет к смерти. Будь ты кем-нибудь другим, я бы без сомнений и угрызений совести допустил подобную жертву, однако, учитывая то, что ты считаешь себя Сильвестром Таларским и зная твою миссию и ценность для всего Мидгарда... – Грандмастер поднялся с кресла, тем самым показывая, что разговор подошел к концу, – ты можешь идти. – И прежде, чем самому покинуть комнату, добавил: – Но прежде, чем ты уйдешь, по опыту своему скажу: какой бы ни была одержимость, ни к чему хорошему она не приведет. Если вдруг заметишь или хотя бы заподозришь, что вокруг тебя творятся трагические события, ты знаешь как их прекратить.

Теперь Сильвестр мог уйти, но, все же, провел ночь в храме ордена, обдумывая новую невероятную и пугающую весть, посланную ему судьбой, а на утро отправился по указанной храмовниками дороге дальше, в горы Ургуро, искать

поселения народа сикомэ.

Глава IX

Горы Ургуро располагались к северу от княжества Таларского и тянулись до самого моря, представляя из себя сложную систему гор с редкими равнинами, еще более редкими водоемами и множеством пещер. Большая часть местной живности жила в огромных пустотах и бесконечных лабиринтах под землей, а на поверхности жителей было не много: в основном гигантские птицы рух, циклопы и сикомэ.

Сикомэ – довольно многочисленный народ, живущий и на поверхности, и в подземельях, – по праву сильнейшего считались хозяевами этих гор, но право свое им постоянно приходилось отстаивать. Самым страшным врагом сикомэ являлись хищные птицы рух, гнезда которых располагались под самым солнцем на вершинах гор и скал. Они воспринимали как пищу любое движущееся в горах существо и прожить время от времени сикомэ не гнушались тоже.

Что до циклопов, то эти одноглазые чудовища громадного роста, не совсем верно названные гномами Маунгата великанами, предки которых были порождены еще во времена Великой Вражды, но не были уничтожены богами после, потому как имели разум и не представляли серьезной угрозы другим смертным народам, были в общем-то мирными и безобидными существами, пасущими коз в низинах гор и равнинах между ними. Однако их глупость и неуклюжесть

постоянно досаждали соседям; и сикомэ Ургуро с гномами Маунгата без конца гоняли их с одних земель на другие.

Под землей же сикомэ вели нескончаемые войны с многочисленным народом подслеповатых троглодитов. Происхождение этого народа, похожего на больших прямоходящих ящериц, никому не было до конца известно, но поговаривали, будто они были рождены недрами самих гор еще в первую эпоху и потому считают пещеры своими и только своими священными территориями. Не появляясь никогда на поверхности, троглодиты не терпели никого под землей, и на сикомэ, построивших в пещерах огромные города, их ненависть распространялась в первую очередь.

Впрочем, могучий народ из числа эльфийских потомков, при таком количестве врагов, окружающих их буквально отовсюду, умудрялся относительно спокойно жить и развиваться в горах Ургуро, а их королевство долгое время продолжало считаться одним из сильнейших на Мидгарде.

Основой доминирования народа сикомэ в горах Ургуро являлось своевременное обнаружение ими угроз, поэтому долго искать представителей этого народа Сильвестру не пришлось, они нашли его сами. Вооруженный отряд из шести крепких сикомэ с песочного цвета толстой кожей и почти без растительности на мускулистых, испещренных шрамами телах, окружил наследника Талара в горном ущелье.

– Кто ты и куда держишь путь? – спросил один из них.

– Я – Сильвестр Рашуа, княжич Таларский и лорд Д’Этто, – представился Сильвестр, – иду туда, где находится ваш правитель, чтобы призвать его на совет семи королей Мидгарда в Талар. Отведите меня к нему!

Недолго посоветовавшись, сикомэ, очевидно, решили исполнить просьбу Сильвестра.

– Иди за мной, – коротко сказал все тот же сикомэ и Сильвестр, ничего не опасаясь, так как представители этого народа, помимо физических характеристик, славились своим понятием чести, пошел вслед за ним.

Шли они не долго. Как оказалось, отряд сикомэ повстречался Сильвестру только потому, что он очень близко подошел к их поселению, обустроенному в недрах огромной пещеры. Освещение здесь поддерживалось не факелами и чашами с горящим маслом, а какими-то ярко светящимися минералами, неравномерно врезанными в стены. Вода, хитрыми приспособлениями, подводилась из подземных источников и пещерных озер, а природные пустоты пещеры использовались для складов, загонов, арен, костровищ и прочих объектов общинного быта и групповых сборищ. Жилые же помещения представляли собой выдолбленные прямо в массиве горных пород комнаты и даже целые комплексы в несколько этажей, отделенные от основных пустот тонкой стеной с прорезанными в ней оконцами.

К одному из таких комплексов, наиболее заметному и ярко освещенному, вели Сильвестра. Это было что-то вроде

местного дворца, в одном из множества неожиданно просторных помещений которого, наследника Талара приветствовал вождь народа сикомэ, более крепкий и бледный, чем остальные его сородичи и со страшным шрамом, пересекающим его лицо сверху вниз через глаз и щеку. Этот шрам, много лет назад в процессе выполнения им обряда инициации, оставила будущему вождю своим когтем гигантская птица рух. За этот след, напоминающий ему о том, как он стал мужчиной и воином, его называли Арнмод, что на языке сикомэ значило «сила орла».

Теперь Арнмод в богатых одеждах из шкур восседал на высоком троне из белоснежной кости, к обеим сторонам которого цепями были прикованы два массивных пещерных зверя. То были дикие мантикоры – отдаленно похожие на Сандаанских львов, но с громадными крыльями, как у летучей мыши, и скорпионьим жалом вместо хвоста. Они являлись одними из самых смертоносных и страшных чудовищ подземного мира и, приходилось признать, рядом с ними каждый, в том числе без того грозный вождь сикомэ, казался гораздо внушительнее и опаснее.

Убедившись в том, что гость находится под должным впечатлением, вождь поинтересовался о цели визита княжича Таларского и тот повторил свою просьбу о присутствии вождя сикомэ на совете семи королей в Таларе.

– И почему я должен сделать это? – спросил Арнмод.

Сильвестр вздохнул. Он знал, что сикомэ, ко всему и вся

подходившие с позиции силы и выносливости, требуют от него какого-либо проявления этих качеств, прежде чем позволят что-то просить или требовать. Так оно и оказалось.

– В нашем народе просить имеет право лишь тот, кто доказал свою силу, – подтвердил догадку Сильвестра вождь.

– И как же мне это сделать? – в свою очередь поинтересовался Сильвестр.

Вождь сикомэ довольно ослабил. Сикомэ часто развлекались охотой на рухов в горах, сражениями на аренах и мелкими стычками с циклопами, не совсем верно называемыми в Маунгате великанами, но наблюдать чужеземцев, пытавшихся справиться с испытаниями его народа, было пусть редким, зато самым любимым из развлечений в этом подгорном поселении.

– У народа сикомэ предусмотрено четыре испытания, посредством которых они проявляют свою силу и выносливость, – начал Арнмод объяснять Сильвестру обряд инициации, издревле принятый его народом. – Испытание воздухом и светом, в коем необходимо выследить гигантскую птицу Рух и добыть яйцо из ее гнезда на скале; испытание землей и тьмой, в коем нужно сразить противника во тьме на дне глубочайшей из пещер; испытание огнем и железом, в коем испытуемый должен отыскать жерло вулкана или лавовый поток и закалить в их огне железную заготовку; и, наконец, испытание водой и холодом, в коем нужно найти очень редкий цветок ундины, растущий лишь на дне пещерных озер. –

Арнмод улыбнулся, но даже улыбка его из-за шрама выглядела устрашающе. – Выбирай любое!

– У меня нет времени, так что... какое из них быстрее? – приятно удивил присутствующих здесь сикомэ своим бесстрашием наследник Талара.

– Значит землей и тьмой, – решил Арнмод.

– Что-ж, – спокойно пожал плечами Сильвестр. – Кто будет моим противником?

– Тот, чьей услуги ты просишь, – вновь искривились в довольной улыбке губы вождя. – Стало быть я.

Откладывая проведение испытания, в силу заявленной Сильвестром нехватки у него времени, не стали. Вождь, Сильвестр и едва ли не все население подгорного города, по извилистым подземным ходам двинулись к месту проведения испытания землей и тьмой – самую глубокую из известных сикомэ пещер, оказавшуюся огромной пустотой, где-то далеко под землей. Несмотря на освещение ее множеством светящихся минералов, здесь не было видно ни противоположного конца пещеры, ни ее сводов, но собралось довольно много сикомэ, разве что детей нигде не было видно: должно быть, в это время, они закалялись изнурительными тренировками в горах на поверхности.

«Что-ж, хоть не ударю в грязь лицом перед молодым поколением», – про себя решил Сильвестр, но принимая от кого-то меч и спускаясь в довольно большое углубление посреди этой громадной пещеры, долженствующее стать ареной,

словно бы очнувшись, подумал: – «О чем это я? Выжить бы!»

Действительно, любое из испытаний сикомэ было смертельно опасно или, по крайней мере, чревато получением серьезных травм (не даром все они были покрыты шрамами), а уж биться в крошечной тьме с одним из них, при том, что этот народ на весь Мидгард славен боевой подготовкой, и вовсе казалось самоубийством. Но что-то не давало сердцу Сильвестра биться чаще от волнения и страха, ни тогда – во время выбора испытания, ни сейчас – непосредственно перед его началом, благодаря чему он уже снискал к себе уважение среди народа сикомэ вообще и будущего противника в частности. Арнмод спрыгнул в углубление-арену, встал против Сильвестра и освещавшие пещеру минералы погасли, погрузив все вокруг в непроглядную мглу. Испытание землей и тьмой началось.

Даже двигаться в такой темноте было сложно, а какое-либо действие, тем более сражение, не представлялось Сильвестру возможным. Он наугад взмахнул мечом в ту сторону, где должен был находиться вождь сикомэ, и тот отразил удар. На мгновение вспыхнувшая от скрестившихся клинков искра, осветила небольшое пространство вокруг противников и погасла, создав ощущение еще большей тьмы. Но за тот короткий миг, что она горела Сильвестр успел заметить начало ответного движения противника и выставил меч в сторону, в свою очередь успешно парировав удар. Новая искра, новый замах Арнмода и удар во тьме снова отражен. И сно-

ва, и снова – словно вспышки молнии, освещали арену то и дело вспыхивающие в скрещенных клинках искры: Сильвестру удалось отразить целую серию выпадов, проявляя чудеса наблюдательности и реакции. Но этого было мало, рано или поздно более опытный противник найдет брешь в обороне, и Сильвестр отступил, позволив арене вновь погрузиться в ничем не озаряемую тьму.

«Если мы долгое время не наносим удары, то ничего, кроме как прислушаться и довериться интуиции, нам не остается, поэтому первый удар всегда самый опасный, знать бы куда бить. Однако, если этот удар будет отражен, возникнет искра и каждый из противников успеет увидеть начало, но лишь начало, следующего движения друг друга, а остальное придется угадывать уже по нему», – лихорадочно соображал Сильвестр, в то же время прислушиваясь к возможным перемещениям противника в темноте. – «Тогда, если быстро изменить свое движение сразу после удара, то инстинкты противника не успеют переключиться со зрения и догадки на слух и интуицию, и он не сможет отразить удар».

Основываясь на этих соображениях, Сильвестр сделал выпад в сторону раздавшегося неподалеку шороха. Как и следовало ожидать, удар был отражен, а возникшая искра, на короткое время осветившая небольшое пространство, предательски подсказала вождю сикомэ следующее движение наследника Талара, но, стоило искре угаснуть, как тот

изменил свой замах на колющий удар и... пронзил пустоту. Арнмод не стал блокировать его удар, а просто отступил.

«Глупец!» – наградил себя нелестным эпитетом Сильвестр. – «Вождь сикомэ гораздо опытнее меня в бою и, к тому же, лучше меня знает особенности таких поединков, ведь он ни раз наблюдал и, должно быть, сам участвовал в них. Наивно с моей стороны было пытаться поймать его на столь очевидную...» – и его вдруг осенило. – «Точно! Очевидную. Конечно, сложно надеяться только на слух и интуицию, но если все, что здесь есть, так это только тьма, а единственный источник света, как оказалось, способен предать, то надеяться на зрение – худшая ошибка, какую только можно допустить. Вот почему Арнмод не поддался на мою уловку! Он не переключается со зрения и догадки на слух и интуицию, а держит глаза закрытыми и постоянно использует последнее».

Сильвестр закрыл глаза.

«Что-ж, доверюсь-ка и я своему внутреннему чутью и голосу», – решил он.

И этот вывод предрешил исход всего поединка. Стоило наследнику Талара обратиться к своим внутренним ресурсам, как все его чувства обострились. Он без труда мог определить источник малейшего шума и его местоположение, а его реакция позволяла играючи уходить даже от самых сложных ударов вождя сикомэ, после пары безуспешных выпадов, ставшего серьезнее относиться к сражению и явившего

наследнику Талара все свое боевое умение. В какой-то момент, Сильвестру даже показалось, будто сквозь веки он, как сквозь завесу, но, тем не менее, вполне отчетливо, видит все пространство арены и своего противника. После этого лишь одной серией тщательно выверенных ударов хватило для того, чтобы выбить оружие из рук вождя сикомэ и повергнуть его наземь.

Сраженный Арнмод, опираясь на одну руку, поднял другую и щелкнул пальцами. По всей пещере вновь стали загораться светом минералы, являя пораженным взорам собравшихся сикомэ их опровергнутого вождя и, приставившего к его шее острие меча, Сильвестра: наследник Талара победил. Он отвел клинок и подал недавнему противнику руку.

– Ты победил, – тоже не без удивления признал свое поражение вождь сикомэ. – Не знаю как тебе это удалось, – мы годами оттачиваем искусство сражения в темноте, – но ты прошел испытание землей и тьмой и теперь можешь требовать от меня чего угодно.

– Я уже сказал, чего я хочу, – коротко напомнил Сильвестр. Он и сам был впечатлен тем, что ему удалось совершить, но, в то же время, был и напуган, промелькнувшей на какой-то миг мыслью, что новая способность может быть связана с его одержимостью. Впрочем, он не стал забивать себе голову, снова размышляя над словами безумцев из ордена Храма бога человека, и поспешил отвлечься разговором с вождем сикомэ. – Мне нужно, чтобы вы присутствова-

ли в Таларе на совете семи королей.

– И я буду там, – с достоинством пообещал Арнмод. – Но я слышан о твоём долге крови, княжич Таларский, так позволь спросить, почему ты прямо не просишь поддержать тебя в этом вопросе, а лишь призываешь на совет?

И наследник Талара показал, что ни одни только сикомэ имеют понятие о достоинстве и чести.

– Потому, что только этого я и могу просить – лишь твоего присутствия, – ответил Сильвестр. – И ты поступишь по чести – ты явишься на совет. Однако было бы нечестно указывать тебе, какое решение там принять. Ты выслушаешь меня, обдумаешь мои слова и поступишь как всегда – по чести.

Вождь сикомэ в знак уважения поклонился наследнику Талара и они обменялись крепким рукопожатием. Здесь Сильвестр свои дела закончил и, разделив ужин с новым товарищем, скоро покинул подземный город. На очереди было посещение крупнейшего государства Мидгарда – Титании. Сикомэ, наиболее безопасными тропами, проводили Сильвестра до границы гор Ургуро с этим королевством и там расстались, но запомнили они наследника Талара надолго.

Тем временем в Таларе, Адалинда, измучившая себя тревожными догадками и подозрениями относительно сказанного ей регентом в библиотеке, наконец решила довериться брату Сильвестра, княжичу Себастьяну, и все ему рас-

сказала. Она рассказала все о чем думала последнее время, включая даже то, что судя по словам Бенедикта Тита и памятуя об описании Сильвестром свойств ртутного серебра, меч, который был у князя Максимилиана во время смерти, был выкован именно из этого материала. Таким образом получалось, что только из-за него погиб отец Сильвестра и Себастьяна, и только из-за него до сих пор продолжался кризис на Краеугольном архипелаге, ведь само существование этого меча являло собой олицетворение той проблемы, которую боги пытались решить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.